

СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1983

**ПОДВИГ
В МИРНОМ НЕБЕ**

Владислав ЯНЕЛИС.

Специальный корреспондент
«Смены»

Он убрал шасси, а потом закрылки. Это сразу сблизило его самолет с самолетом ведущего. Высота стремительно росла. Он взбирался все выше и выше, словно по невидимой воздушной лестнице. Полет шел в режиме. Под квадратом

01 — первый поворотный пункт программы. Ведущий передал:

— 058-й, разворот вправо.

Дронов, непроизвольно кивнув, ответил:

— Справа готов.

Ведущий шел по внешнему кругу и начал разворот первым. Дронов чуть отвернул самолет, чтобы дать ведущему больше пространства для маневра. И, выждав, тоже пошел на разворот. В следующее мгновение он, неотрывно

— Место?

— Квадрат 01.

Шульге не надо было смотреть на карту, чтобы представить себе этот самый квадрат. Он прекрасно знал, что квадрат 01 означает воздушное пространство над большой станицей. И именно это обстоятельство диктовало иной поворот действий Шульги, как руководителя полетов, и Дронова, как пилота.

Итак, обстановка требовала от Шульги немедленного решения. Потому что он и только он будет отвечать за все, что произойдет в дальнейшем. Решений могло быть два. Первое — приказать Дронову катапультироваться. Оно было самым простым и спасало летчика. Но тогда неуправляемый реактивный самолет мог выйти из-под контроля рулей и обрушиться на станицу. Вероятность этого невелика, но она существовала. Второе — бороться до конца, отдавая беду от людей и их жилищ, и спасти самолет. Но это грозило гибелью летчи-

вестно, что самый строгий медицинский отбор именно в авиационные училища.

Чтобы укрепить себя физически, он много времени отдавал спорту — бегал, занимался гантелями гимнастикой, плаванием. Для тренировки вестибулярного аппарата соорудил даже собственной конструкции тренажер. Нашел на свалке старую колесную ось от вагонетки, прикатил к дому, врыл одно колесо в землю так, чтобы второе свободно вращалось. На этом тренажере он крутился часами, пока скрип его окончательно не выводил из себя родителей.

Дронов успешно сдал экзамены и был зачислен курсантом в Ейское высшее военное авиационное училище летчиков имени В. М. Комарова. Если бы он провалился, то сдавал бы на следующий год. И не пошел бы ни на какие комиссии.

Эта его взрослая жизнь началась обычным чередом и не отличалась ничем от жизни сотен его товарищей по училищу.

— Смотри, Сергей, — Комаровский кивнул на птиц, — у этих тоже вояко идет вывозная программа. Молодежь на крыло ставят.

После врачебного осмотра, обязательного перед полетами, курсантов и инструкторов собрал под навесом для предполетной беседы майор Шульга. Майор объявил, что курс на взлете 35 градусов, ветер встречный, до 5 метров в секунду, видимость более 10 километров (в таких случаях говорят — миллион на миллион). Добавил, что над зоной отмечены групповые перелеты птиц.

Дронов вырuling на взлетную полосу следом за Кузнецовым. Тот доложил, что готов. Шульга сказал:

— 356-й, взлетайте. Ваша зона вторая.

Кузнецов продублировал команду специально для Дронова, скомандовал:

— 058-й, обороты!
Сергей видел, как серебристая машина ведущего начала таять в дрожащем от грохота двигателей воздухе, как вырвались из сопла оранжевые вихорлики пламени. Дронов перевел рычаг на максимальные обороты. Самолет наклонил к земле нос, словно готовясь к прыжку. Спустя секунду истребитель понесся по бетонке, все прибавляя скорости и мощи. И взлетел легко и свободно, обретя желанную свободу.

...Самолет падал. И на то, чтобы принять решение, у Дронова оставались

Герой для подражания

ВЗЛЕТАЕТ

наблюдая за ведущим, зафиксировал боковым зрением темный бесформенный силуэт — справа от кабины. Тут же последовал удар, инерция которого, прорезав стальную обшивку, током передалась Дронову. Он оторвал взгляд от ведущего и машинально посмотрел на указатель числа оборотов двигателя. Но еще раньше, чем сознание зафиксировало какую-то цифру, услышал, как стихает свист мотора, и телом ощутил его прерывистую дрожь. Тем временем обороты упали почти до нуля.

«Попробовать встречный запуск», — сказал себе Дронов. Это была азбука: успеть при неполной остановке двигателя попытаться его запустить. Дронов сбросил скорость (хотя она и без того уже была много ниже режимной), переведя рычаг управления двигателя на малый газ, закрыл стоп-кран... И нажал кнопку запуска. Он проделал все это, не отрывая взгляда от стрелки — указателя оборотов. Стрелка не реагировала — обороты не увеличивались. Тогда Дронов понял, что двигатель запустить уже не удастся. И он ощутил нечто похожее на страх. Страх на мгновение парализовал его сознание и расслабил мускулы рук. Но только на мгновение. У него оставалось их слишком мало. В следующую секунду он уже знал, что надо делать. Включил изолирующий клапан, оставил питание только жизненно важных узлов и приборов самолета, отдал ручку управления от себя. И, стараясь подавить волнение, произнес как можно спокойнее:

— Я — 058-й. В результате попадания птицы в воздухозаборник произошла остановка двигателя...

В тот час в воздухе находилось много самолетов, и переговоры летчика с руководителем полетов почти не оставляли пауз. Словом, эфир был забит до предела. И поэтому Дронова поняли не сразу. Но последние два слова — «остановка двигателя» — руководитель полетов слышал. Майор рыком поднялся из кресла, сжал микрофон и сказал, тоже очень спокойно:

— Я — первый. 058-й, повторите, что произошло.

Дронов повторил.

Майор Шульга отбросил ногой кресло, выхватил микрофон из ячейки, подошел к стеклу прозрачного колпака комнаты, поднял взгляд к небу в непроизвольной надежде увидеть там терпящий бедствие самолет.

Но небо было пустое, если не считать узкого птичьего треугольника, парившего над заповедными плавнями.

— Ваша высота?

— 1200.

ку. Принять это решение единолично майор не мог, последнее слово оставалось за Дроновым. Впрочем, был еще шанс предотвратить или, на худой конец, отсрочить решение...

Но первым делом майор приказал всем находящимся в воздухе летчикам замолчать и работать только на прием. В эфире наступила непривычная тишина. Такая, что Дронову показалось, будто он остался в небе один. Но тишина длилась совсем недолго. Спокойно, словно в учебной аудитории, Шульга произнес:

— 058-й, попробуем встречный запуск.

От этого «попробуем» Дронов сразу почувствовал себя увереннее. Ему показалось, что майор летит к нему, чтобы разделить с ним опасность. Он даже представил плотную, коренастую фигуру Шульги, втиснутую в кресло истребителя. Дронов не сказал, что он уже пробовал запустить двигатель и что это ничего не дало. В конце концов почему бы не попытаться еще раз?

— Установи скорость... — диктовал тем временем Шульга.

— Установил.

— Закрой стоп-кран...

Двигатель не запускался. Дронов почти физически ощутил, как искореженные лопатки компрессора безрезультатно пытаются продрасть через облепившую их кровавую тягучую массу. На какое-то время в эфире возникла пауза.

— Ну, что, 058-й? — прервал ее Шульга.

— Обороты на нуле, — ответил Дронов.

— Высота?

— 950 метров.

Самолет, наклонив нос, падал на землю. Дронов понял, что именно он должен подсказать земле решение.

...У Сергея были безмятежные, веселые детство и отрочество. Единственный ребенок в обеспеченной семье, он мог позволить себе брать полной пригоршней все радости жизни. Увлекался велоспортом, уже пятиклассником гонял на моледе. У него неплохо шли физика, литература и математика. Много читал, особенно о войне. Был бессменным старостой с 4-го по 10-й класс.

Но какой бы беззаботной внешне ни казалась его жизнь, он довольно рано сделал в ней главный выбор, решив стать военным летчиком. А однажды решив, он уже не отступал от своей цели ни на шаг. Не отступить было не так просто, потому что с детства Сергей не отличался особым здоровьем, а из-

ПОСЛЕ ПА

Курс был разбит на отделения, а отделения — на экипажи. Они изучали вместе матчасть, точные и общественные науки, вместе занимались самоподготовкой. Они были военным коллективом. На земле. В небе же каждому из них скоро предстояло стать самостоятельной боевой единицей. И тогда действия их будут оцениваться строго индивидуально. Такова летная специфика. Но готовились они к своей военной работе, повторяю, коллективно.

Это означало, что каждый в равной степени наделался знаниями, силой, гражданственностью, верой. Они воспитывались военными людьми, перенимая от своих учителей их человеческие и профессиональные качества, впитывая боевые традиции училища, которое вело свою родословную с первых месяцев Советской власти.

В первую же свою курсантскую весну они самостоятельно подняли в воздух боевые машины. Отрабатывались простейшие летные упражнения — взлет, проход по кругу, заход на посадку, расчет приземления, посадка.

Поначалу Дронову не очень везло. Он не мог точно поймать высоту выравнивания во время снижения. Сергею дали несколько дополнительных полетов. Если не пойдет посадка и после них, его могли отчислить, несмотря на прекрасные оценки по теории. Но дополнительных полетов хватило. Он научился сажать самолет не хуже любого другого.

И в целом у него все складывалось в жизни хорошо. У него была девушка, которую он любил, были друзья, настоящие, проверенные. Неплохо шла работа в военно-научном училищном кружке. До конца летной практики, так называемой вывозной программы, оставалось несколько вылетов. А там — отпуск.

...Был понедельник. Они строем шли к учебному аэродрому, расположенному неподалеку от небольшого южного городка. Дронову предстояло сегодня лететь ведомым в паре с инструктором капитаном Кузнецовым. Задание — уход в пилотажную зону, виражи, пикирование, спираль, горки и — домой. Рядом с Сергеем шагала Володя Комаровский. Было жарко. Над выгоревшим полем с криком пронеслись утиные стаи.

считанные секунды. Он отыскал взглядом кнопку катапульти. Кто его осудит, если он нажмет ее! Разве он не сделал все, что мог, дважды пытаясь запустить двигатель? Одно движение — и все, чем он дорожил в жизни, останется с ним. Одно движение. Только одно. И жизнь будет продолжаться. Земля ждала его решения.

— Первый. Я — 058-й. Прошу разрешения на вынужденную посадку с убраным шасси.

Пауза. Он слышал, как Шульга тяжело дышит в микрофон.

— 058-й. Посадку разрешаю. Ищи площадку...

Под ним была станица. Сотни людей, ни о чем не подозревая, вершили свои земные дела. Дронов и потом не сможет объяснить, почему он принял это, а не иное решение. Впрочем, дело не в словах. Дронов действовал сообразно высшей, самой мудрой логике — логике жизни.

Итак, он решил идти до конца. Не только отвести беду от станицы, но и постараться спасти самолет. Хотя этого, последнего, от него уже не мог бы потребовать самый взыскательный командир. Но Шульга не запретил этого Дронову. Майор помнил Сергея по совместным полетам и верил в него.

В кабине неестественно тихо. Ему было даже не с чем сравнить это непривычное для летчика-истребителя ощущение покоя управляемой им машины. Ведь Дронов никогда не летал на планере, он имел дело только с реактивным самолетом, привык к мощному голосу его двигателя, вибрации, дрожанию стрелок на шкалах приборов. Сейчас же он оказался словно в вакууме.

Он потянул ручку на себя, осторожно, боясь слишком резкого движения, пробыл, насколько управляем самолет.

На какое-то время удалось уменьшить угол падения. Впрочем, почему падения? Планирования, ведь пока Дронов находится в кабине и держит руль, он продолжает лететь, даже если этот полет зрительно неотличим от падения.

Какая большая станица! Дома, палисады, опять дома. А это красное здание — наверное, школа. Ему было бы намного спокойнее, если бы дома как можно быстрее исчезли из-под крыльев. Тогда он мог бы весь сосредоточиться на выборе площадки. Дронову с высоты, как и всем летчикам, видно, сколь густо населена земля человеческим жильем, творениями рук людей.

У него начались провалы в связи. Дронов понял, что выходит из зоны радиовидимости аэродрома. Он не испугался, потому что заранее приготовил себя к этому. И вдруг он услышал голос Кузнецова:

— 058-й, я — 356-й, буду радиомостом между тобой и первым. Помни про баки, сбросишь, когда выйдешь за квадрат.

— Понял, — радостно отозвался Дронов. Он посмотрел вверх, над ним кружил (если это выражение употребительно по отношению к реактивным самолетам) истребитель Кузнецова. Его ни на минуту не оставляют одного! Эта мысль захлестнула сознание радостной волной.

Он повернул машину чуть влево, там станица вскоре обрывалась переполненным полем. Дронов не думал в те мгновения, сколько у него шансов на благополучный исход. Да и кто мог бы более или менее точно сосчитать их, эти шансы. Но он знал: для приземления ему необходимы как минимум два условия — ровная площадка и сохранение самолетом способности подчиняться его воле. И то и другое в принципе возможно. Но... Этих «но» больше чем доста-

точно. Окажись в момент посадки под самолетом камень, или рытвина, или бугор — и все усилия летчика спасти машину будут напрасны. Это — первое. Далее, в решающий момент могут выйти из строя рули. Тогда машина просто повалится на землю — неизвестно, под каким углом и как. С шасси садиться нельзя: любое отклонение по углу снижения в момент касания с землей вызовет катастрофу.

Шульга опять напомнил насчет баков. — Сейчас, — ответил Дронов. Он умышленно тянул время, держа пальцы на тумблере сброса. Потому что под ним в пыльной завесе по полю ползла вереница тракторов, а точно рассчитать траекторию полета баков возможности не было. Объяснять это руководителю полетов он не стал, времени и так оставалось в обрез.

Когда трактора остались позади, он нажал на тумблер. Самолет слегка подбросило вверх. Вернее, это показалось Дронову, облегченная машина просто приподняла нос и чуть выровняла угол планирования. Он подумал, что могут представить себе люди, видевшие, как от самолета отрываются и падают вниз топливные баки, так напоминающие внешне авиабомбы. Это наверняка на какое-то время прервет их работу, может быть, даже испугает. Но это простится ему, Дронову, если он в конечном итоге победит.

Впереди была дорога, над ней высоковольтная линия электропередачи. За дорогой поле — желтое, скошенное, еще не тронутое плугом. Это поле — единственная пригодная площадка для Дронова. Его единственный шанс. Но надо еще перетянуть через дорогу и, главное, через провода.

По дороге медленно плыл бензовоз. Дронов, рискуя сорвать рули, резко и

сильно потянул ручку на себя. Самолет качнул носом вверх и преодолел высоковольтку, промелькнув над бензовозом. Шофер его интуитивно втянул голову в плечи, посмотрел вслед бесшумно летящему самолету, остановил машину.

Внезапно прямо перед Дроновым выступило из-за кустов белое низкое здание полевого стана. Возле него были люди. Курс, который он рассчитал, выбирая площадку, теперь не годился, надо было садиться ближе. А времени оставалось секунды.

Последним усилием он наклонил самолет к земле, срезая пространство, столь необходимое ему для посадки. И сразу же выровнял нос. Это было, когда до земли оставались десятки сантиметров. И тут он почувствовал вдруг необычайное спокойствие, которое наступает после всякой тяжелой, изматывающей работы. Если эта работа доведена до конца. Теперь им было сделано действительно все, что вообще было в силах летчика и человека.

Он слышал, как зашелестела стерня под брюхом самолета. Удар был легче, чем он предполагал. Машина продолжала скользить по плотному покрывалу пшеничных стеблей еще метров сто пятьдесят. Потом самолет наклонился, уперся крылом в землю и развернулся. Все. Земля приняла его ласково, с почти материнской нежностью.

Ему хотелось уронить голову, закрыть глаза и забыться. Хотя бы на мгновение. Даже не сознавая этого, он отдал этим нескольким минутам своей жизни едва ли не все силы, накопленные им за предыдущие двадцать лет. И только сознание незавершенности чего-то продолжало руководить его мыслями. Чего? Да, конечно, ведь его товарищи не знают, что с ним.

— Я — 058-й, — произнес он ти-

хо. — Посадку выполнил. Самочувствие нормальное. — Потом ему показалось, что его голос могут не услышать, и повторил уже громче:

— Я — 058-й...

— Слышу тебя, 058-й. — Это был Кузнецов. — Понял. Докладываю, что у тебя все в порядке. Молодец... А теперь отходи от самолета. Быстро.

Дронов отстегнул ремни, открыл фонарь и вылез из кабины. В лицо ударило теплым ветром и запахом скошенного поля. Он отошел от самолета и, соблюдая требования безопасности, лег в неглубокую выбоину. Лег прямо на стерню, покалывающую спину острыми иглами, продолжая жадно вдыхать теплый ветер, запах земли и жизни.

Потом к нему подбежали люди, которых он видел возле полевого стана. Подъехал бензовоз, и шофер, улыбаясь, подsunул ему под голову ватник. Потом прилетел вертолет, и из него высыпали свои, летчики, а с ними Шульга. Он подошел к Дронову и долго его ощупывал и говорил:

— Ну что, натерпелся, парень, только честно? Бывает. На то мы и летчики, чтобы летать, даже когда летать нельзя. Я знал, что ты сядешь. Верил...

Потом он учился дальше и осваивал новые, более современные машины. Был избран делегатом XIX съезда ВЛКСМ, за проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды. Стал коммунистом. Он многое успел за время своей учебы не только в профессиональном смысле, но и в общечеловеческом. Я это понял, наблюдая за ним во время занятий, полетов, общения с товарищами. Он еще учится. И как военный летчик будет продолжать совершенствовать свое мастерство. Но главное он уже умеет — идти до конца. Он доказал это.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1350) АВГУСТ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: рисунок художника Юрия ИВАНОВА.

- 1** ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ. Владислав ЯНЕЛИС. «ВЗЛЕТ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ».
- 2** ФИЗКУЛЬТ-УРА! Александр БОЙКО. «БЕГАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!»
- 4** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Стихи болгарского поэта Георгия КОНСТАНТИНОВА «КАК БЬЕТ РОДНИК, КАК ВЕЕТ ВЕТЕР».
- 6** ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛОСЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС. Игорь КУВШИНОВ. Рабочая повесть «Смены» «ПОЕЗД В XXI ВЕК».
- 9** Рассказ Георгия САВЧЕНКО «ПРЕМЬЕРА».
- 12** «ГОРОД СОЛНЦА». Фоторепортаж Владимира ЧЕРКАСОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14** Олег ИВАНОВ. «СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛГА».
- 16** ОТЕЧЕСТВО. «ДНИ ЛИЦЕЯ». Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА, Василия МИШИНА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 23** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 24** ЭРА БИОЛОГИИ. Людмила СТИШКОВСКАЯ. «ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА».
- 26** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 27** Винфрид ЛЕШБУРГ. «ТАИНА ВЕЛЛИНГТОНА».
- 29** Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1983 г.

ДЕНЬ

точно. Окажись в момент посадки под самолетом камень, или рытвина, или бугор — и все усилия летчика спасти машину будут напрасны. Это — первое. Далее, в решающий момент могут выйти из строя рули. Тогда машина просто повалится на землю — неизвестно, под каким углом и как. С шасси садиться нельзя: любое отклонение по углу снижения в момент касания с землей вызовет катастрофу.

Шульга опять напомнил насчет баков. — Сейчас, — ответил Дронов.

Он умышленно тянул время, держа пальцы на тумблере сброса. Потому что под ним в пыльной завесе по полю ползла вереница тракторов, а точно рассчитать траекторию полета баков возможности не было. Объяснять это руководителю полетов он не стал, времени и так оставалось в обрез.

Когда трактора остались позади, он нажал на тумблер. Самолет слегка подбросило вверх. Вернее, это показалось Дронову, облегченная машина просто приподняла нос и чуть выровняла угол планирования. Он подумал, что могут представить себе люди, видевшие, как от самолета отрываются и падают вниз топливные баки, так напоминающие внешне авиабомбы. Это наверняка на какое-то время прервет их работу, может быть, даже испугает. Но это простится ему, Дронову, если он в конечном итоге победит.

Впереди была дорога, над ней высоковольтная линия электропередачи. За дорогой поле — желтое, скошенное, еще не тронутое плугом. Это поле — единственная пригодная площадка для Дронова. Его единственный шанс. Но надо еще перетянуть через дорогу и, главное, через провода.

По дороге медленно плыл бензовоз. Дронов, рискуя сорвать рули, резко и

БЕГАЙТЕ НА

Физкульт-УРА!

Александр БОЙКО,
доцент,
кандидат педагогических наук

На стадион пришел фотокорреспондент и, как того требовало задание, сделал снимок (в центре), затем, импровизируя, — второй и, уже выйдя со стадиона, — третий...

Согласитесь, получился интересный фоторяд. Распределение «ролей», как в жизни.

Уже давно я наблюдаю непостижимый феномен, охвативший зрелых людей в завидном стремлении изменить свою жизнь. С огромным желанием, не подстегиваемые честолюбивыми намерениями, люди жадно читают популярную литературу, гарантирующую здоровье, и неутомимо пробуют все на себе.

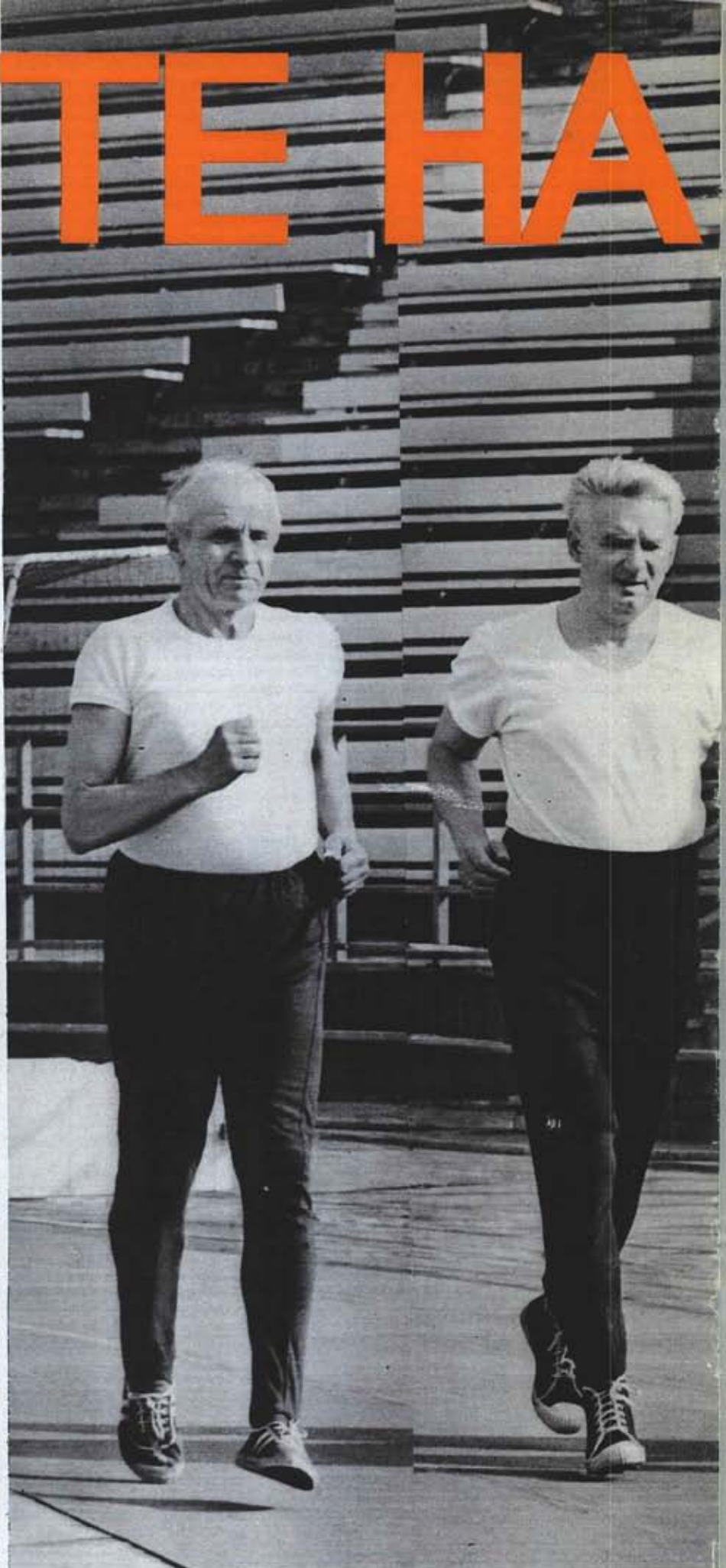
Сегодня процесс активного вмешательства в свою жизнь уже необратим. Откуда пришло это повальное увлечение бегом? От спорта? Да, от спорта! Великие бегуны позвали за собой не только юных последователей, но и тех, кто никогда не посягнет на их звонкую славу. Лет от тридцати пяти — реже, от пятидесяти пяти — чаще люди все больше тянутся к бегу — универсальному уп-

ражнению всестороннего оздоровления.

И, радуясь этому, я задаю вопрос: а что эти люди делали раньше? А раньше было вот так же, как на крайней фотографии. Молодость! И много свободного времени, которое только в безмятежные годы девать некуда... И еще было отчаянное (если можно так выразиться) здоровье. И молодецкая сила ломилась с утра. И хотелось дать выход застоявшейся энергии. Тогда, в славные годы молодости, почему-то казалось, что это труднообъяснимое ощущение здоровья останется с тобой навсегда...

Думали ли так четверо мужчин, бегущие нам навстречу? Не знаю. Но кажется мне, что мужчина слева со спортом знаком. Как тренер, не могу не отметить спокойную сосредоточенность его лица, спортивность фигуры и правильную работу рук при беге. Не знаю, но сдается мне, что двое мужчин, бегущие справа, чем-то похожи друг на друга и спортом не занимались. А сегодня, дойдя до критической точки (достаточно взглянуть на их талии), спохватились и отчаянно бросились в трудную схватку. Борьба им предстоит долгая и упорная. Кто кого?

Каким был мужчина, бегущий в центре? Не знаю. Судя по развороту плеч, наверное, спорта он не миновал. Могу предположить, что все четверо по-разному чувствуют себя в том возра-

сте, который уравнивал их в одном забеге.

На этом снимке есть еще один участник. Он сидит, развернув газету, а на самом деле наблюдает. А может, мысленно подтрунивает над бегущими. Не пытаюсь определить его возраст, так и тянет подсказать: пожалуйста, отложите газету! Его Величество Стадион с щедростью предлагает свои просторы: пользуйтесь! Нет, не торопятся моло-

дые, сидят на скамейках, потягиваются, посмеиваются, возможно, шуточки отпускают. Со стороны, наверное, смешно: бегут толстые, неуклюжие мужчины, и не сразу рассмотришь, что это им не только в необходимость, но и в радость. А ведь погрузнев, посолиднев, эти ребята все равно спустятся на дорожку, у них просто нет другого пути. Это закон жизни, и его ничто не может изменить.

ЗДОРОВЬЕ!

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

...После окончания института физкультуры мне довелось поработать и в детской спортивной школе и в сборной команде страны по легкой атлетике. И все эти годы я встречался с молодыми людьми, страстно желавшими добиться высоких спортивных результатов. Работая с ними, я, к стыду своему, и не задумывался о тех, кто не претендовал на звание мастера спорта. Мне казалось, что и тех, кто стремится стать настоящим спортсменом, бесконечно много. Да, так я думал, и, наверное, так же думают те, кто работает в сборных командах сейчас.

Но только тогда, когда я несколько отошел от спорта, по-настоящему рассмотрел разницу между теми, кто активно стремится к высоким спортивным результатам, и теми, кто пассивно наблюдает — с трибун ли стадионов, на экранах ли телевизоров — за спортивными соревнованиями, не выходя на беговые дорожки. А они, эти дорожки, хронически пустуют на многих-многих стадионах, служат молчаливым укором молодежи, равнодушно, беспечно относящейся к собственному здоровью.

Пишу об этом, глядя на жизнерадостные лица ребят и сосредоточенно-устремленные лица девушек. Больными или слабыми ни тех, ни других не называю. Но ведь и суть трех фотографий не в фотообвинении, а лишь повод для

размышлений. Почему физкультурная активность детей постепенно исчезает в юношеском возрасте? Почему такая же активность отсутствует в среде вечно занятых взрослых? Почему же эта активность стремительно возрастает у людей пожилых?

Гляжу на мужчину, бегущего в центре, и на мальчика, потягивающегося от избытка сил. На мужчину, бегущего справа, и на мальчика, вон того, сидящего выше всех. И мне кажется, что они похожи друг на друга, как внуки и деды. Не значит ли это, что им надо быть вместе, в движении? Во имя здоровья! Во имя гарантии от сердечных приступов, стегających нас беспощадным бичом нашего века. И еще: во имя того, чтобы стать лучше. Можете не сомневаться, вы станете себя уважать больше, если сумеете преодолеть себя.

Прекрасная молитва древних мореплавателей гласит: «Пошли мне, бог, берег, чтобы оттолкнуться, мель, чтобы сняться, шквал, чтобы устоять!» Пожалуйста, вдумайтесь в смысл мудрого заклинания. Лучше заранее пройти через трудности ожидаемые, нежели сплоскаться перед неожиданными. И физическая культура в любом ее виде — не только утилитарное приобретение здоровья, но и существенное укрепление себя во имя непредвиденных трудностей, ожидающих нас.

Третья фотография: девушки изучают репертуар кинотеатров, знакомясь с афишей, расположенной по совпадению вблизи от стадиона. Но если, предположу, не найдут они в программе фильма, который бы по-настоящему заинтересовал их, заглянут ли они тогда на стадион? Есть ли у них истинная потребность в движении? Осознают ли они, как это важно — не проходить равнодушно мимо

стадиона, подлинного храма воздуха и здоровья?

Все возвращается на круги своя... И мальчики и девочки придут к тому, что так необходимо им уже сейчас. Движение как форма существования никогда не бывает излишним, как, например, сон или еда. Сон и еда — это жизненная потребность, движение — жизненная необходимость.

КАК БЬЕТ РОДН

Литературный глобус «Смены»

Георгий
КОНСТАНТИНОВ

Перевели с болгарского
Сергей БОБКОВ и
Александр РУДЕНКО.

«В поэзии Георгия Константинова есть нечто праздничное, улыбочное и всегда глубоко интимное и подлинное. Богатый духовный мир нашего современника пульсирует здесь просто, искренне и чисто — как бьет родник, как веет ветер, как течет время», — сказал о творчестве болгарского поэта его известный собрат по перу, председатель Союза болгарских писателей Любомир Левчев.

Георгий Константинов — лауреат премии Димитровского комсомола, автор десяти стихотворных сборников. Не однажды избирался президентом Советско-болгарского клуба творческой молодежи.

Предлагаем вниманию читателей подборку стихотворений поэта из новой книги «Личное время».

Не сплю.
Погасло освещение.
И птицы в комнату влетают...
За окнами ведут сражения ветра...
А с кем — пока не знаю...
Потоки гневные клокочут,
терзая корни краснотала...
Влюбленные олени плачут,
копытами кромсают скалы...
И снова запах смол струится...
Беззвездный небосвод нахмурен!
Спи, милая...
Тебе присниться
я не хочу в такую бурю!
Спокойно спи...
Чтоб я не снился
тебе и лунною зимою...
С ветрами я давно сроднился —
они нас разлучат с тобою!
Но среди долгих и мгновенных
ночей —
с тревожным постоянством —
раскинув руки, как антенны,
еще зову тебя в пространстве...
Спи... Спи... Погасло освещение.
И птицы в комнату влетают...
Светает.
С кем ведут сражения ветра —
уже я точно знаю.

Орбита

Средь проводов
с высоким напряжением,
под сенью крон и
серебристых крыл,
Земля,
я чувствую твоё движение
в безбрежности созвездий и светил.
Кто я такой?..
Внезапная пылинка
среди желтой бури —
с крошечным теплом...
В метели — безымянная снежинка...
И по орбите
я иду пешком.
Бессонный океан кипит и стынет.
Он растворяет камни и следы...
Но жить хочу я долго
на равнине —
пшеницу сеять и срывать плоды...
Дыханьем жарким
согревать основы
весеннихстроек,
новых городов...
И в хаосе бесчисленных любовей
найти неповторимую любовь!
Над чертежом
и над цветком склоняюсь...
След оставляю
на своей тропе...
И, ненадолго
с солнцем расставаясь,
любуюсь
переливом звезд в реке!..
И будут сердца радиосигналы
лететь в грядущее —
покуда жив!
Я на своей орбите...
И едва ли ее
космический изменит взрыв!

Те люди хороши, которые
не ведают своей цены,
в свет превратив водонапоры,
посеяв хлеб в полях страны.

Они идут без проволочек
на побережье и в леса
и ставят —
в стужу, в бурю — прочно
курортов летних корпуса.

Они пасут стада на взгорьях,
чтоб можно было всех одеть.
Их жизнь ведет по сменам,
гонит
конвейерную круговерть.

Усталости не нужен танснинг!
Что делать,
но, спеша домой,
театры и танцкласс
подалеке
они обходят стороной.

Когда по сцене Гамлет бродит
иль демон лебеда пограл, —
их руки жесткие заводят
будильники на пять утра.

Вдали — обыденности быт,
вдали — расплывы слов туманных, —
шоссе
как будто черный бинт,
мои заматывает раны.
Вместе с автобусом дрожу,
спеша из дымки порубежной...
Пусть поворот.

Я выхожу
на зов единственной надежды.
Дорога к самому себе.
Я без плаща,
без шляпы модной.

Дождь отдается в голове
необъяснимо тайным кодом.
Дождю,
сородичу морей
и гордых облаков высоких,
нетрудно вызнать до корней,
зачем мечусь без подоплеки...
Мне тоже нравится летать.
Да больше занят пустяками —
живу,

врастая в будней стать
между землей и небесами.
Трава под ноги — словно шелк...
Взмахну,
как крыльями,
руками...

Я вроде путь к себе нашел,
но люди — цель моих исканий.

Лимоновое деревце

Удивляйтесь, как светом победным
мои листья налиться смогли
здесь —
под низеньким комнатным небом —
от родимого юга адали...
Поражайтесь нечаянной мысли:
как зимой удастся мне цвести?..
Заблуждения есть в моей жизни.
Но и жизнь
в заблуждениях есть.

Ожидание

Земля, готов принять слова твои...
Спокойно жду я приговор суровый —
мечтал о славе, падал от любви
и по ступеням дней шагал я снова...
Встречал снега и стаи вешних птах,
с ночными молниями я прощался,
летел к зениту, обращался в прах,
кричал от боли или притворялся...
На божества скептически глядел...
В того, кто мне не верил,
верил свято...
Земля, не нужен мне иной удел.
И жалости мне от тебя не надо.
Придет ли срок —

ты не щади меня, —
спокойно встретит
грудь моя остуду...
Я верю только в голос твой,
Земля, — во мне была ты...
И в тебе — я буду.

Как бутылка, где скрыто
письмо,
к побережью морскому —
прибывает чувство
само
прямо к сердцу живому.
Миг судьбы —
и внезапно
светло
чувство блещет в лазури...
Только помни,
что к жизни твоей
принесла его буря...
Оно слушало
темных глубин
рокотанья глухие.
И не раз
были властны над ним
направленья слепые...
Терпеливое,
дня дождалось —
чтоб тебя растревожить...
Ты прими его.
Или отбрось — если можешь...

Электронная собака

Напоследок
сюрприз был огромный:
экспонат
сам
внезапно включился,
и навстречу нам
пес электронный
нарастающим лаем залился...

Вот — согласно программе —
блеснули
глазки круглые
«бешеной» злостью...
Он не знает усталости, боли...
Не обманется
вкусною костью...

Много брошено мысли
и денег,
чтоб добиться успеха такого:
электронный
надежно заменит
пса живого —
сторожевого...

Несомненно — научное чудо!
Разволнованы все мы,
не спорю...

Но я вспомнил
про нашего Мурдžo,
что виляет хвостом на подворье...

Никого он не удивляет.
В лапах
кость беспринципно сжимает...
Экспонат
замечательно лает...
Только Мурдžo
еще и кусает!

Оставил я дыханье
на тысячах окон.
Мои мечты незримо
сквозь облака летели.
Свои следы терял я,
метелью занесен.
Входил в ботинках грязных
в роскошные отели.
Я — будничный, беспечный —
был здесь и там порой...
И согревало руки мне пламя автогена.
Я пил вино в бараках,
пахнувших сосной.
В прощальных взглядах таял —
как ранний снег — мгновенно...
Живу ли?.. Да! Живу я!
Сквозь мрак и свет иду!
Жизнь в чемодан потертый
повсюду собираю...
Я понимаю шутки,
обиды, доброту...
И кое-что в любви,
наверно, понимаю...
Внезапные улыбки!
Надежд внезапных азлет!
Глаза, где блеск заката...
И утра молодого...
По длительным маршрутам
душа моя снует...
После разлуки быстрой
она вас ищет снова!

ИЖИК как веет ветер

Рисунок Валерия Черкашина

Река Шехерави

Среди ущелий стылых, среди утесов вечных
дорогу преградила неведомая речка.
Она летела звучно сквозь лунные дубравы...
Шофер сказал задумчиво,

Затеряна без вести... *что это — Шехерави.*

Но дождь пройдет, — *И в песнях не воспета...*
воскреснет внезапно речка эта...

Во все глаза глядел я, как, распыляя капли,
извитая, *блестела она грузинской саблей...*

Своим дыханьем влажным нас поманила речка,
услышав звуки нашей разноязыкой речи...
На камни опустились мы около утеса,
по кругу поделились последней папиросой...
К воде склоняясь часто, горстями воду пили...
И яблоко на части — четыре — разделили...
Приятели поэты, склоненные над бездной,
дожди иссякнут летом —

речной поток исчезнет!
И в миг внезапной боли мы замолчим, я знаю,
там где-нибудь у Волги, у Влтавы и Дуная...
И в одиночку каждый

тот миг переболеет,
когда от горькой жажды вдруг небо потемнеет...
Но в памяти безгласной мы различим,
как речка
нас призывает ясно разноязыкой речью...
Когда нам будет плохо под зноем и ветрами —
для нас — *в горах высоко воскреснет Шехерави!..*

Живая случайность

Я видел *дерево,*
присосевшее к скале.
Растет, *изнемогая,*
подпорой синеве.

От жажды *почернело,*
распятое стихией,
чуть вздыбится — *и снова*
сгибается *бессильно...*

С потрескавшимся *камнем*
ведет борьбу *упорно,*
цветет *как бы случайно,*
но не мертвеют *корни,*

и древо зеленеет...
И знает, *пусть нелепо,*
действительную цену *за приближенье*
к небу.

Письмо

Расплакалась опять
от чувств молниеносных...
Не надо спешить —
на крыльях,
на колесах —
ко мне...

Где б ни была ты,
коль одержима в том
желании возврата, —
приди ко мне пешком.

Бреди дорогой тихо
и погаси порыв —
как некий странный вихорь —
забыть про наш разрыв.

И по дороге длинной
в течение трезвом дня
случайных птиц картинно
пригрей вместо меня,

целуй сирени кисти
на утренней заре,
к другим меня причисли,
сравни — они добрей.

Но если покоряет
мечта упрямо плоть
и память не швыряет
цель твоих странствий прочь —
ты в небывалый миг
замрешь передо мною...
В честь поисков твоих
нам — рядом быть,
не скрою.

Доступная цена

Мне в поезде *рассказывал попутчик*
(в пути знакомства *заводить нетрудно,*
что по дешевке — *вот счастливый случай!* —
он дом купил в сельце — *почти безлюдном...*
Добротный дом!
И не из этих новых...

Все настоящей стариною дышит:
дом — с очагом, *с лежанкою дубовой,*
со ставнями *и с черепичной крышей...*
Дом — от шоссе поодаль...
Над рекою...

Опрятный дворик — весь — *в айве, в инжире...*
Он летом выбирается порою
на поезде туда... *Иль на машине...*
Я слушал. И завидовал сначала.
Потом застыл от мысли невеселой:
вот мы приходим *с чувством запоздалым —*
туристы, горожане — *к тихим селам...*

К себе они влекут нас *все сильнее —*
домашним хлебом, *ключевой водицей...*
А в поле вряд ли *различить сумеем,*
где там овес растет, *а где пшеница...*
Найти бы старый дом — *и вся забота!*

Цена доступна... *«Купчая» готова...*
Звучат шаги... *В село вернулся кто-то...*
Но не его ждала земля... *Другого!*

Может, счастьем обделен...
Но на жизнь гляжу не скучно.
Силы есть. Здоров мой сон.
Добываю хлеб насущный.

Путь мой был крутым... *Но все ж*
твердо о себе я знаю:
ни предательство, ни ложь
не пятнали мое знамя!..

Презираю всей душой
тягу к собственности липкой...
Но по жизни молодой
со своей иду улыбкой!

Синеве небес я рад
в дни печалей и ударов...
И лишь этот скромный дар
получил от жизни даром.

Рождение источника

Отцу.

Кто видел, *как рождается источник?*
Приподнимается земля *перед глазами.*
Кустарник беспокойно шевелится.
И — раздвигаемая светлым звоном —
потрескивает ломкая трава.
И муравьи бегут, объаты страхом.
И камень падает. И, вспыхнув ярко,
неудержимо летит чистый свет!
Источник это. *Обыкновенное земное чудо.*
Порою не хватает жизни,
чтоб его увидеть.
Отпей же от него глоток,
счастливец, и назови его!
Но никогда не говори:
«Он только мой!»...
Уже он устремился к морю...

Последние известия

Давным-давно не новы войн
прибой и плеск холодных волн.
И для моей желанной не секрет,
что я люблю ее так много лет.

День завтрашний *стучит в мое окно.*
В руках держу заветное письмо.
Как никогда, *светлеет жизни путь —*
вчера мой сын *отважился шагнуть!*

Не возвестит о том ничья печать.
Но разве мне пристало замолчать?
Транзисторы гремят. *Богов я обсмею,*
лишь метеопрогнозы признаю!

Метеоролог, *ты весну сулишь,*
о мерах неотложных говоришь
при бедствиях... *Мы бдим —*
тебе в ответ. *Так обещай повсюду теплый свет!*
Гряди скорей, *зеленая волна!*

Под звонкий хохот торжествуй, *весна!*
Пусть сообщат газеты и эфир:
ходить умеет самый новый мир.

Поезд в ЖЖ

Игорь КУВШИНОВ

Работа есть работа

На линейке я оказался рядом с мастером Геннадием Федоровичем Никулиным. Линейка — построение всего училища — проводится перед занятиями в начале каждой недели. В коридорах вдоль стен, в вестибюле, на лестничных маршах, на втором этаже строятся группы. Староста сдает рапорт мастеру, мастер — дежурному по училищу. Линейка транслируется по радио, чтоб все могли слышать все. Во время этого утреннего построения-сбора каждый может встретиться с каждым. Мальчики и девочки — с мастерами, мастера — с педагогами, педагоги могут увидеться с учащимися, которые не появляются на занятиях.

Я попросил Геннадия Федоровича Никулина рассказать мне о себе и о своей группе.

— Ну, что рассказать, вот, например, понедельник. Я хоть человек и не суеверный, но думаю, если понедельник прошел хорошо, то до субботы все будет в порядке, а не задался этот первый день — вся неделя идет кувырком. Главное — дела правильно распределить, а дел у меня и на сегодня и на всю эту неделю много. Правда, у мастера почти всегда много дел. Я должен проконтролировать свою группу, то есть выяснить, что случилось с отсутствующими: заболели, прогуливают, вызваны в военкомат и так далее. Потом у меня у самого сегодня еще уроки, ведь я преподаю не только специальность своим ребятам, у меня еще есть часы. Родители одного парня сегодня ко мне придут, с ними нужно поговорить. В семью другого я сам должен сходить.

— Зачем?

— Да поглядеть, что у них там и как. Хороший парень, на ровном месте — словно осатанел. В день практики я еще должен сходить в депо, узнать, как мальчишки работают, как им закрывают наряды.

Дежурный по училищу вызвал Никулина сдавать рапорт, и он ушел, так до конца и не рассказав о всех делах и заботах. Потом он вел по узкому длинному коридору группы на первый урок. Мальчишки шли след в след за своим высоким, сильным мастером, вытянувшись длинной цепочкой и повторяя почти каждое его движение.

Этот проход всплыл у меня в памяти двумя днями позже, когда я увидел стенную газету, выпущенную группой некоторое время назад.

Газета висела в «качалке» — так в училище именуют небольшой зал секции тяжелой атлетики. Здесь установлены штанги, гири, гантели, другие снаряды, некоторые из которых сделаны самими учащимися. По сути, это второй кабинет Никулина, и тут собирается много ребят. Ведь сила в их возрасте — это почти абсолютная добродетель. Качество, необходимое и, по их мнению, подчас достаточное для счастливой, наполненной жизни. И парни накачивают, накачивают, накачивают силу.

Здесь, в «качалке», царит будоражащая атмосфера страстей, накаленная разгоряченными молодыми телами. Правда, в дискуссиях часто верх у того, у кого голос погромче. Но зато здесь обсуждаются все вопросы — от глобальных до бытовых, и во многие проблемы именно тут я был посвящен ребятами. Здесь же один пареньек — Слава Чебак — показал мне стенную газету.

На листе ватмана через пригорки и горы ехал

железнодорожный состав. Девятнадцать вагончиков, похожих на игрушечные, тащил игрушечный паровоз. В каждом вагончике была фотография мальчишки из группы, с шутовой (но только отчасти шутовой) подписью. Ну, а в качестве машиниста на фото форматом побольше был изображен Никулин. Рассматривая эту немудреную композицию, я подумал, что, наверное, так же и в жизни: на своих плечах тянет мастер группу из двух десятков озорных мальчишек к овладению знанием и мастерством рабочего.

Эта аналогия приобретает еще большую правомерность, если помнить, что мастер, так же как машинист, почти ни на минуту не может покинуть свою работу.

— Вторник, — рассказывал Никулин. — Во вторник у нас раньше была практика в мастерских училища. В основном это слесарное дело. В общем, по металлу работа. Мастерские у нас неплохие, у каждого свой верстак, инструменты. Я этим занятиям придаю большое значение: в принципе это профессиональная база. Если ребята научатся с легкостью владеть напильником, молотком, зубилом, то и более сложные работы не будут казаться им нудными. Тут надо автоматизм нарабатывать, технику. И надо сказать, что ребята на эти занятия идут с удовольствием. С удовольствием, потому что в большинстве своем они любят мастерить.

Один пареньек даже сказал как-то: «Я теперь, Геннадий Федорович, даже если один на всем свете останусь, все, как Робинзон, сделаю».

Вторник для ребят был и приятным и одновременно тяжелым днем. Приятным, потому что разнообразие — не уроки, мастерить можно; тяжелым — потому что все-таки целый день нужно работать. Работа от человека, помимо всего прочего, требует просто привычки, привычка же эта есть далеко не у всех. От этого, особенно во второй половине дня, ребят одних в мастерской лучше надолго не оставлять.

В среду в «качалке» я встретился со Славой Чебаком. Какой-то очень ладный, хорошо скроенный парень, уже не мальчик, и повадка мужская чувствуется, уверенность в своих силах.

— Эх, жалко, — сказал он, — у нас сейчас практика, мы работаем в разных местах, а то б мы все с вами встретились, у нас отличные есть ребята. Когда нас в начале учебы впервые собрали, все были такие застенчивые, пугливые. А за эти три года ребята так повзрослели! Когда видишь каждый день, все так незаметно. А вот разошлись мы на практику, и столкнешься с кем-нибудь из ребят — только диву даешься, что за парень идет — знающий себе цену. Уверенные стали, спокойные.

А потом сказал:

— Я мечтаю десанником стать, — и прочел на память слова известного генерала: — «Тот, кто не испытал парения в свободном падении затаенного прыжка, кто не знает жаркой схватки внезапного боя, беззаветной помощи друга в изнурительном маршброске, тот не сможет почувствовать и понять доблесть и гордость десантников».

В Славину желанию не было ничего необычного. Очень многие ребята из ПТУ бредят мечтой стать десанником. Наверное, вообще стоит отметить, что наряду с увлечением рок-музыкой, наряду с безусловным поклонением автомобилю стремление в десантные войска тоже приобретает сейчас у ребят характер культа.

— Знаешь, я знал одного паренька — у него уже до

армии было двадцать парашютных прыжков. А подошел набор, в десант его и не взяли: не хватило трех сантиметров роста.

Чебак распрямылся, натянулся струной.

— Нет, у меня с этим все в порядке, свои сто семьдесят пять я уже как два года набрал. И Геннадий Федорович обещал сходить в военкомат, поговорить, если будет необходимо. Не смогут они не взять меня. Если нужно будет, я еще вырасту, — твердо сказал мне он.

Да, чем только не приходится заниматься мастеру группы: и учить, и поить, и кормить, и женить, и вот в военкомат ходить, и главное еще — предвидеть, хотя бы чуть-чуть обгоняя время, что будет необходимо его воспитанникам, что они могут сделать в следующий момент. Мастер живет в многовероятностном мире. Как говорит сам Никулин — в мире неограниченных возможностей.

— Чтоб ребятам с тобой интересно было, — говорил мне Никулин, — ты сам должен быть интересным. — Он задумался. — Правда, есть еще способ держать их в руках — сделать так, чтоб они боялись. Каждый выбирает тот путь, который ему по плечу, по душе, по сердцу, если, конечно, у человека есть сердце. Каждый только должен иметь в виду: если мальчишки будут бояться, они вырастут и тоже заставят бояться других людей, те, в свою очередь, — кого-то еще, так что рано или поздно этот круг на тебе замкнется. Вынуждая бояться, сам неизбежно будешь в страхе жить.

Я считаю, здесь от меня пользы для жизни больше, чем где бы то ни было. У меня вот какие взгляды: я думаю, мы должны прямо говорить нашим учащимся, что любимой работой в жизни удастся заниматься немногим счастливым. Нельзя одурачивать человека, пользуясь его детской неразумностью и говоря, что у каждого будет возможность заняться именно тем, чем он хочет, иначе, не выдержав разочарования, он может и в циника превратиться. Нет, многие будут заняты тем, что прежде всего необходимо государству, хозяйству, и это не всегда совпадет с их желанием.

Вот, к примеру, знаете, сейчас люди, и особенно молодежь, не любят грязной работы. Нет-нет, в прямом смысле, не то чтоб там мошенничество какое-нибудь, махинации. Нет, просто работу, связанную с сажей, смазкой, пылью, красителями. У мальчишек есть даже такая расхожая мудрость: работу надо-де выбирать так, чтоб после нее можно было, не переодеваясь, идти в театр. Вот ведь, оказывается, какие театралы завзятые.

Ремонтникам-осмотрщикам вагонов сложно, как вы понимаете, на работе содержать себя в чистоте, и большинству из них это страшно не нравится. Но я пытаюсь их убедить, что работа, настоящая, добросовестная работа — это почти всегда «грязь». Да. Даже если это чистый композиторский труд или стерильно чистое ремесло хирурга. Все равно — в нем огромная доля изнурительного, «грязного» труда.

Практика

На практику в депо мы пошли через день, в пятницу. В четверг я был на производственной практике в другой группе, занимающейся подчеркнuto чистой

Георгий
САВЧЕНКО

ПРЕМЬЕРА

РАССКАЗ

У избы прокричал Рябов, чтоб поторапливались. Он вернулся в деревню после ранения, теперь вызвался Степу в город отвезти — председатель лошадь дал. Рябов, конечно, мешок картошки в саночки бросил — на рынке поторгует.

Степа впервые уезжал из родной деревни. Горсточкой изб ограничивался для него мир да еще речкой Белявкой, где ловил раков, да лугами за речкой, где известен и любим был каждый польный бугорок, да темным лесом вдали, куда ходили по грибы и ягоды. Мать суетливо запикивала сыну за пазуху тряпичный сверток с куском хлеба и солеными огурцами. От огурцов через рубаху до тела добралась прохладная влага, а в нос ударил запах рассола, такой знакомый, домашний.

— Береги себя, — вымолвила мать, разглядывая сына сквозь слезы. — Не печалься, родимый! С хозяйством управлюсь, меньшие помогут. Оно все у нас на огороде да у печки. Что ж делать, Степушка: четырнадцатый тебе — вот и определяйся. Мужики в отцовом роду известны — золотые руки. Дед Федор в городе сапожничает, какой, сказывают, мастер! Слушайся его, учись прилежно.

Паренек молча, серьезно кивал. Согласен был с матерью: отец с фронта не настърный. Уж ты соберись, не дай себя в посмешище.

— И-и-и! — вдруг завывла мать, прижалась к Степе, вцепилась в ватник руками. — Скромненький ты у меня. Боюсь! В городе, сказывают, народ какой настърный. Уж ты соберись, не дай себя в посмешище.

Степа гладил мать по спине.

— Не бойся, мама! Ну их всех — я водить компании не стану, я работать буду да спать.

В городе их застигла метель. Рябов довез парнишку до рынка, развязал мешок и передал Степе три крупные, гладкие картофелины да головку лука.

— На первое время. Ешь на здоровье и деревеньку вспоминай. Степа картофель с луком спрятал за пазуху.

Полдня таскался он по выюжному опустевшему городу, пока отыскал нужный дом.

Федор Иванович очень внуку обрадовался: в глаза еще ни разу видеть не удавалось. Его чуть даже смутили красно-рыжие вихры, когда, топчась в снях, сбивая снег с валенок, Степа снял шапку-ушанку. Рыжих в своем роду он не помнил. Но тут же догадался, что медным волосом внук обязан снохе.

— В Бобковых, в Бобковых внучок-то! — улыбнулась, морщина круглое доброе лицо, бабка Антонина. — Невестка-то у нас рыженькая. Помню!

Она обласкала Степу взглядом, прослезилась, вспоминая погибшего сына, и расставила руки, приглашая внука в объятия.

Степа выложил на клеенку стола картофелины, лук, сверток с хлебом и огурцами и доверчиво прижался к бабке Антонине, мягкой и теплой, пахнущей тестом. И совсем паренек успокоился.

— Дома и не голод, а подарок дорог! — похвалил внука дед Федор.

— Заморозился, воробушек! — приговаривала бабка Антонина тихо, воркуя. — Ничего, сейчас отогреться — щец горячих похлебаешь...

Степа снял ватник, вылез из валенок, сунул ноги в поданные бабкой тапочки, немного осмотрелся и протянул письмо от матери.

Дед читать не стал, пока бабка не накрыла на стол. Когда ж все уселись, он достал из кармана очки, протер стекла куском замши и, беззвучно двигая губами, долго читал письмо. А закончив чтение, хмыкнул и с любопытством посмотрел на внука.

— Ну что же, Степан Алексеевич, тоже сапоги решил шить! Дело хорошее, нужное. — Дед прокашлялся. — Сколько ты классов пройти успел?

— Четыре...

— Не много. Да ничего, война скоро кончится, откроют школы рабочей молодежи, пойдешь дальше учиться.

Степа сидел молча, как пришибленный.

— Экой ты застенчивый, право! — рассмеялся дед. — Робеть будешь — ничего не достигнешь. Работа наша творческая. А в творчестве робеть — успеха не имеет. Скромность, конечно, должна быть. Скромность человека украшает. И поведение должно быть примерное. Не балуешься табачком?..

Паренек испуганно покачал головой. Дед снова хмыкнул, складывая письмо.

— Привязался, старый! — заговорила бабка, видя, что Степа совсем ши хлестать перестал. — Дитятко голодное, а от твоих распрекрасных разговоров сыт не будешь.

— Ну, старуха, не сердчай! Знаю, что говорю. — Дед улыбнулся Степе, и зубы у него оказались все на месте, ровные, белые. — Не робей, внучок! Ешь проворней... Завтра и поведу тебя в театр. Слышал когда-нибудь, что такое театр?

Степа жадно и громко дохлебывал ши, обалдевший совсем от странных речей деда. Оттопыренные уши его стали такими же красно-рыжими, что и волосы.

— В нашем понимании театр — храм культуры! — Лицо деда совсем посветлело. — Поимей в виду, Степан, войдешь ты завтра в храм культуры!

— Отстань со своим храмом! — в сердцах крикнула бабка. — Не видишь, у внучка веки слипаются. Дорога не близкая была, ему самое время на пуховичок завалиться.

Ночью Степе снилось, что он в своих тяжелых яловых сапогах, какие достались ему от отца и теперь в деревне на мамке, идет по чудесному стеклянному храму. А у стен множество народа, глядят все на него, да пристально: ладно ли шагает? Степа ступал остороженько, а стекло под ногами позванивало громко: динь-дон, динь-дон...

Степа открыл глаза. Было светло. На стене разговаривали старинные часы: динь-дон, динь-дон...

А под часами с газетного пожелтевшего портрета на Степана глядел суровый дядька с худым, измученным лицом, кожа на котором собралась в морщины и складки. За столом перед зеркалом сидел дед Федор. Вокруг шеи — полотенце. Он брился и, стараясь сильнее натянуть кожу, вытягивал челюсть, будто сам перед

Степа открыл глаза. Было светло. На стене разговаривали старинные часы: динь-дон, динь-дон...

А под часами с газетного пожелтевшего портрета на Степана глядел суровый дядька с худым, измученным лицом, кожа на котором собралась в морщины и складки. За столом перед зеркалом сидел дед Федор. Вокруг шеи — полотенце. Он брился и, стараясь сильнее натянуть кожу, вытягивал челюсть, будто сам перед

Степа открыл глаза. Было светло. На стене разговаривали старинные часы: динь-дон, динь-дон...

А под часами с газетного пожелтевшего портрета на Степана глядел суровый дядька с худым, измученным лицом, кожа на котором собралась в морщины и складки. За столом перед зеркалом сидел дед Федор. Вокруг шеи — полотенце. Он брился и, стараясь сильнее натянуть кожу, вытягивал челюсть, будто сам перед

Рисунок Наталья СЕДУЛИНОЙ

НА ЭТЮДАХ.

ложено» около 80 квадратных метров зеленых массивов.

— Однако,— говорит мой собеседник, председатель Союза архитекторов Казахстана, заместитель председателя Госстроя республики, член-корреспондент Академии художеств СССР Рустем Аббасович Сейдаллин,— в каждом архитектурном проекте мало решить чисто художественные задачи, мало «вписать» новостройку в окружающий ландшафт, необходимо увязать все это с целым рядом вопросов. Вот, например, проблема из проблем для алма-атинских архитекторов: город расположен у гор, а они, к сожалению, нарушают нормальную циркуляцию воздуха над Алма-Атой. Учитывая это, градостроители располагают алма-атинские улицы «лицом к ущельям», как бы коридорами для воздушных потоков. Не случайно наш совсем новый жилой район назван «Самал» — «свежий ветерок» в переводе на русский.

Другой важнейший вопрос — размещение промышленных объектов. Основная часть промышленного узла расположена и будет расширяться на северо-западе города. Решение это тоже связано с особенностями климатического, ветрового, сейсмического режима Алма-Аты. Городская промышленность и жилищная застройка спланированы со строгим учетом транспортных задач, в частности со строительством первой линии метро, которая от вокзала на севере города

КАК ЗОДЧИЕ И ИХ НЕУТОМИМО ТРУДЯ ОБЛИКА АЛМА-АТЫ

Владимир ЧЕРКАСОВ

Фото Сергея ВЕТРОВА

ГОРОД СОЛНЦА

Открывать Алма-Ату лучше всего с высокогорного катка «Медео». Среди отрогов Тянь-Шаня голубое его око — в оторочье уступов светлых стен и черепашого рельефа трибун, в разноцветном всплеске флагов на мачтах. Белоснежные, бурые скалы, прозелень стройного леса обступили ледяное блюдце, отражающее небеса. Извечной кажется эта картина, хотя сначала ее прикинули мастера на миллиметровке. Они мечтали не самоуверенно превзойти чудодейственного зодчего — Природу, а лишь понять и учесть ее прихотливый вкус.

Городские мотивы Алма-Аты, к слову сказать, самой молодой из столиц союзных республик с миллионным населением, во многом обязаны величию царящих над ней гор. Еще одна основа городского пейзажа — сады, настоящее море зелени. Каждому алмаатинцу «по-

У КАЖДОГО ДОМА — СВОЙ ОБЛИК, СВОЙ ХАРАКТЕР.

12 **СМЕНА**

пройдет через центр и свяжет его с новостройками южной окраины. Рассматривается возможность внедрения в Алма-Ате и других современных видов транспорта, в том числе и скоростных поездов на магнитной подвеске.

— О казахах исстари привыкли думать как о кочевом народе. И кажется, что в основном войлочные юрты и аульские глинобитные дома — главные приемы исторического быта народа. Но облик Алма-Аты поражает и смелостью

**ТЕАТРАЛЬНОЕ ФОЙЕ.
ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ
ГОРОДА.**

**БОЛЬШАЯ ФАНТАЗИЯ
ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ.
НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.**

архитектурных решений и своеобразием национального колорита.

— Вы правы, в поисках пастбищ казахи в прошлом кочевали с места на место. Но были у народа и древние города. Об этом свидетельствуют археологические раскопки. Найдены строительные элементы дворцов, интересных инженерных сооружений, дивные фрески... Разумеется, все это наследие мы используем в своей нынешней работе. Интересные традиции были заложены и первыми строителями деревянного города Верный, предшественника Алма-Аты. Военный инженер А. П. Зенков, строитель изящных и довольно высоких зданий, как одно устоявших при десятибалльном землетрясении, сразу по его горячим следам писал в марте 1911 года: «С глубокой верой за успехи будущего я не боюсь за наш город, за нашу Семиреченскую и в то же время сейсмическую область. Я верю... что наш город украсится солидными, в несколько этажей, каменными, бетонными и другими долговечными строениями». Как види-

ПОМОЩНИКИ ТЯЖЕЛАЯ НАД ПРЕОБРАЖЕНИЕМ

те, сегодня это предвидение стало явью.

— Современен и молод облик Алма-Аты. Вероятно, во многом его формировала молодежь?

— В нашем городе, пожалуй, нет ни одного объекта, где бы не работали вчерашние студенты, молодые специалисты. Можно назвать такие, например, уже хорошо известные имена зодчих: Тохтар Ералиев — главный архитектор мастерской Казгорстройпроекта, Калдыбай Монтхаев — лауреат Государственной премии СССР. Бывший инженерно-строительный факультет Казахского политехнического института вырос в Алма-Атинский архитектурно-строительный институт — превосходную кузницу кадров.

Студенческие проектно-конструкторские бюро института — настоящий полигон для творчества. Именно студентами разработан проект «Сказочной страны». Многие из ее городков уже возведены во дворах и парках.

...Девятнадцать веков назад уроженец этих мест, крупнейший философ и ученый-энциклопедист Абу Наср Мухаммед аль-Фараби в трактате «О добродетельном городе и благородных гражданах его» писал, что душа правителей «добродетельного города» «от природы должна быть выше всех низких дел и от природы же стремиться к деяниям возвышенным». Надо думать, что сегодня он был бы доволен своими потомками, создавшими неповторимый по своей красоте город у гор.

Оказывается, трудно, очень трудно рассказать о друге, которого ты знал много лет.

Его успехи представлялись всегда естественными, а некоторые человеческие несовершенства заслонялись неоспоримыми достоинствами — их ясно видели люди, наблюдавшие этого человека даже издали. Когда такой человек внезапно уходит и тебя просят рассказать о нем, ты вдруг понимаешь, что нужно свериться с каким-то модулем, который помог бы и тебе и другим осознать истинный масштаб свершенных дел и оставленных нам уроков жизни. В рассказе об Александре Каверзнеев таким модулем может быть нынче только признание нашим народом его творчества. Когда Александра не стало, в партком Гостелерадио, на домашний адрес пришли сотни телеграмм с выражением самого искреннего сочувствия родным, близким и товарищам по работе. Такое не часто случается. Телезрители сожалели, что в их дом уже никогда более не войдет этот корректный, красивый и интересно мыслящий человек. Его смерть оказалась своеобразным апофеозом профессии телекоммента-

тора, телевизионного журналиста — любимого, всегда небжиданного и неизменно ответственного собеседника, обращающего свои мысли к многомиллионной аудитории.

Меру этой ответственности Саша сознавал. Он, начавший с газеты, с обычного светного репортажа, был захвачен возможностями сначала радио, а потом телевидения, не сравнимым ни с чем другим шансом прямого диалога, да, именно диалога, со своим слушателем. Он чутко предугадывал возможные возражения, недоумения, контраргументы, неформальную реакцию на бескомпромиссную заостренность или даже резкость мысли, суждения, оценки. Он высоко ценил тех, с кем вел разговор, — для него не существовало среднестатистического телевизионного зрителя. Каждый раз он обращался как бы к

конкретной личности — человеку взыскательному не только к смыслу, но и к форме выражения. В этой уважительности к зрителю и слушателю — один из ключей понимания успеха работы политического обозревателя советского телевидения Александра Каверзнева. Но одним ключом не откроешь особенностей столь яркой и сложной личности. Поэтому пишем и другие.

Саша родился в Риге в русской интеллигентной семье. Отец его был преподавателем русского языка и литературы в «основной» школе — в годы буржуазной Латвии так назывались неполные средние школы. Когда была восстановлена Советская власть, ему предложили кафедру языкознания Рижского педагогического института. Расстояние между скромным школьным учителем и профессором вуза всегда

СЛОВО О ЧЕЛОВЕ ДОЛГА

ощутимо. Так что же произошло? Собственно, ничего особенного — человеку, наконец, воздали по заслугам: Александр Каверзнев-старший принадлежал к числу образованнейших людей. Он защищал свою магистерскую диссертацию незадолго до первой мировой войны — в Варшавском университете у знаменитого философа-русиста Бодуэна де Куртэнэ. Диссертация была посвящена анализу славянских рукописей, хранящихся в Ватиканской библиотеке в Риме. Как всякий ученый-филолог той поры, Александр Михайлович знал несколько современных европейских языков.

Скромный преподаватель неполной средней школы всегда оставался человеком высоких устремлений, высокого строя мыслей. Ему в буржуазной Латвии было душно. Его одиночество, резкое неприятие мешанского образа мыслей и жизни настораживало. Он был человеком независимого, резкого характера. Слушая иной раз житейские соображения своих сотоварищей-педагогов, погрязших в «житейской прозе», он спрашивал себя (вслух): «О чем же мне говорить с вами?»...

Гитлеровцы, оккупировавшие Латвию, отправили пожилого учителя в лагерь смерти Саласпилс.

Он был человеком благородных и прогрессивных убеждений. Внимательно приглядывался к измене-

ниям жизни. Маленький сын робел, когда тот просматривал его тетради. Иной раз он выносил приговор — отнюдь не сыну, а коллегам, воспитывавшим мальчика. Его суждения были критическими тогда, когда он чувствовал, что школьника ведут по пути механического усвоения материала. Он высоко отзывался об учителе, когда чувствовал, что тот стремится развить в его сыне творческие потенции, ждет от него самостоятельного, оригинального мышления.

Саша отлично учился. В доме ученого-филолога была библиотека избранных книг. Мальчик читал русскую классику, книги лучших немецких писателей. Домашнее чтение заполняло пробелы школьной программы, увлекало, волновало, воспитывало в той твердой гуманистической убежденности, которая за-

тем не однажды сыграла свою роль в профессиональном становлении.

В старшем классе школы Саша вступает в комсомол. Он один из школьных вожakov, «лидеров», как говорят сейчас.

Когда пришло время выбирать профессию, юноша, известный в школе своими гуманитарными наклонностями, сделал, казалось бы, странный шаг — он поступил в Ленинградский кораблестроительный. По рекомендации отца, высоко цтившего инженерные профессии...

Итак, отец благословил своего сына в корабельные инженеры, в известный институт, где Каверзнев-младший отчаянно проскукал целый год, пока не принял решение вернуться в Ригу.

Нет, его не влекли ни расчеты прочности корабельного корпуса, ни корабельная архитектура. Однако он признал в моряках и в тех, кто строит суда, интереснейших людей. Среди них, людей моря, он встретил настоящих героев, которые заронили глубокий интерес к дальним походам, к старой доброй балтийской романтике.

Он вернулся в Ригу. Он любил этот город и вспоминал его, куда бы ни забросила судьба. Не раз говорил, что многим обязан Риге.

Сашу восхищало величие Ленинграда, очаровывали теплота Парижа и своеобразие Будапешта, но при

поднимался на борт корабля по штурм-трапу, не вынимая при этом рук из карманов тужурки. Номера газеты с такими «перлами» моряки особенно ценили, бережно хранили их на предмет «травли» в каюткомпаниях. Поясню тем, кто не знает: штурм-трап — эластичная лестница, сбрасываемая с борта и «висящая отвесно. Над оплошавшим собратом хохотали и при случае предлагали ему самому взобраться по штурм-трапу, не вынимая при этом рук из карманов...

Среди редакционных товарищей были и другие: знающие и цепкие газетчики, прекрасно владевшие таинствами профессии. У них и учился начинающий журналист. Но делал это он по-своему, основательно, фундаментально. Стремясь к совершенствованию, обращался к книгам по морской практике, штурманскому делу, экономике, транспорту. Он был самоотвержен — готов на любую командировку в любое время года. Осенняя и зимняя Балтика сурова. Вернувшись из рейса, он отписывался, до глубокой ночи шлифую небольшие материалы для «Латвийского моряка». Его заметки уже тех лет отличались глубиной и своеобразием, изяществом выражения мысли — качествами, которые отличали позднее его репортажи и фильмы для радио и телевидения.

Он начал работать в системе Гостелерадио четверть века назад. И оказался превосходно подготовленным. Передачи Каверзнева для зарубежного слушателя Московского радио вызывали широкий отклик.

Как он достиг успеха? Мне кажется, самым главным было изучение потенциального слушателя. Он старался познать психологию, особенности духовного склада людей другого мира. Он не жалел времени, чтобы побеседовать с деловыми людьми, посещавшими столицу Советской Латвии, моряками торгового флота, делегациями, прибывавшими по приглашению Союза обществ дружбы. Отпуск он стремился провести в туристской поездке с портативным магнитофоном через плечо. Через несколько лет он обрел уверенность, знал, как вести разговор, как аргументировать, обращаясь к слушателю той или иной европейской страны.

Он был всегда безупречно точен и доказателен в своих пропагандистских материалах. Это был принцип его работы. Под его пером оживали статистические отчеты и ведомости различных учреждений. Он умело сопрягал цифры, документальные данные и реальную действительность. Знал, что парадокс, неформальная ситуация, непривычный «ракурс» беседы подчас гораздо больше вызывают внимания и убеждают, чем долгие радиоминуты гладких, не задевающих умы и сердца деклараций. Неформальные ситуации в принципе окружают нас. Нужно просто уметь их увидеть.

Помню, отправились мы вместе в Латвийскую академию художеств. Был задуман репортаж о молодых художниках. Но мы опоздали, занятия окончились, все разъехались на практику. В одной из мастерских сидел мрачный, полноватый парень, оставленный в городе, как говорили в старину, «за неуспешность». Разговор с ним проходил на фоне длинного полотна, изображающего плотогона. Композиция была не без изысков, но видно было, что автор в живописи понимает.

Это-то и почувствовал Саша. Он (по-латышски) осведомился о жизненных планах. И узнал, что студент нимало не смущен своим положением. Картину свою он дотянет, претензии профессуры преодолет. А затем перед ним откроются замечательные перспективы творческой работы: вступит в Союз художников, получит заказы, будет жить свободно и содержательно.

Пленка с записью этого разговора стала основой для замечательного материала, имевшего большой резонанс. Слушателю был предоставлен материал, касающийся сложнейшей сферы организации творческого труда. Как известно, этой сфере особое внимание уделяется идеологическим противникам, клеветникам на нашу действительность и изображающим советских мастеров культуры в виде этиких манипулируемых роботов. Саша с первых слов «неуспешного» студента почувствовал возможность, рассказав о сложном, колючем характере человека и вместе с тем о его убежденности в правильности того, что и как он делает, окажется услышанным самым недоверчивым слушателем. Здесь была не однозначность, а диалектика. Конкретная и убедительная.

К слову, и студент не ошибся в своих планах и ожиданиях. Сейчас его имя — в ряду самых известных мастеров изобразительного искусства Латвии.

В середине 60-х годов Александра Каверзнева направляют на работу в Венгрию. Это был смелый шаг руководства Гостелерадио. В Будапешт ехал отнюдь не дипломированный журналист-международник, знающий язык, изучивший историю, искусство, экономику, фольклор и все прочее... Ехал энергичный и расторопный человек, желавший учиться, умевший видеть новое, полезное для нашей страны.

К этим качествам прибавилось еще одно. Он увлек-

ся Венгрией, как увлекаются иной раз человеком, наукой или видом искусства. Он изучил интересную историю и порой нелегкое прошлое страны, ее обычаи, своеобразный характер народа, его пленили города Венгрии, ее природа, трудолюбие мадьяр, их спортивность, темперамент...

Он вообще считал, что невозможно успешно работать в братской стране, не будучи преданным великой идее социалистического единения. Эта идея руководила им и в Москве, когда он был назначен политическим обозревателем Советского радио и телевидения. До сих пор мы регулярно смотрим журнал «Содружество», программа и формы которого были определены и найдены Каверзневом.

В те времена он часто спрашивал о том, как выглядит на экране, как воспринимаются те или иные фразы, жесты, манера поведения. Это было не кокетство и не честолюбивое стремление к зрительским комплиментам. Он говорил: «Пойми, я вхожу незванным в дом человека. Этот человек вправе ждать от меня не только информации, но полноценного комментария, он должен доверять мне, я хочу с ним настоящего общения...»

Александр Каверзнев был неистовым репортером и глубоким наблюдателем хитросплетений международной жизни. Он умел вглядеться в детали так, что и мы видели их выпуклыми и многозначными. Он мастерски пользовался методами марксистско-ленинского анализа, обладал безошибочным классовым чутьем. У него был дар масштабного обобщения.

Иной раз он много лет копил факты, коллекционировал исторические анекдоты, собирал сведения по экономике, истории, географии, искусству с тем, чтобы это знание в фильме или телепередаче сверкнуло лазерным лучом истины. Так было с его сериалом, посвященным наследникам Мао Цзэдуна, их политике после провала «культурной революции» в Китае. Это публицистическое произведение поразило не только зрителей, но и специалистов. Специалистов-синологов — остротой анализа и смелостью обобщения, специалистов-телевизионщиков — отточенной специфически телевизионной формой сериала. Все фильмы были пронизаны живым биением страстной авторской мысли, ясным ощущением трагедии, пережитой китайским народом.

Саша много писал «для себя». «Продуктивность» его отнюдь не вмещалась в документальные фильмы, репортажи, репортажи. Какая-то часть его души трудилась всегда. Он мог прервать беседу, чтобы записать удачную мысль, необходимую впрок. Помню, как он слезался с верхней палубы танкера, на котором летом 1964 года мы плыли по норвежским шхерам, чтобы внести в дневник несколько мыслей, не относящихся к красотам скал и вод, мелькавших мимо борта корабля...

Он с уважением относился к мемуаристике и как-то сказал, что записи отца открыли ему в близком человеке больше, чем общение с ним в свое время. Давайте еще раз задумаемся, сколько ценного обрела человеческая цивилизация, листая дневники людей, которым было что сказать и себе о себе самом, и другим, побуждая к «цепной реакции» беспокойную мысль. Не случайно, думаю, его работа, связанная с последней командировкой, названа «Афганский дневник». Толстая тетрадь, истинная им, стала путеводной нитью для осмысления снятого материала режиссеру Б. Горбачеву, оператору В. Степанову, политическому обозревателю Ф. Сейфуль-Мулюкову и всем, кто завершал последний фильм.

Рассматривая сотни метров пленки, они сносились со строками, второпях записанными на коротких привалах, отразившими впечатления и мысли, родившиеся в момент столкновений с событиями драматическими и неординарными.

Для Александра Каверзнева, для его образа мышления всегда было характерно стремление докопаться до сути вещей. Дневник и фильм отразили эту черту. Вот реальные душманы, пришедшие в кишлак. Снимать их было рискованно, но мы должны видеть тех, на кого опираются контрреволюция и ее зарубежные покровители... Вот дети, завербованные в Пакистане. Плата — пакет сахара... Солдаты афганской армии, превратившие селение в опорный пункт для борьбы с наемниками. Танк, закопанный по башню в каменную землю... Тень вертолета, бегущая по песчаным волнам барханов... Покинутые кишлаки... Неспешная беседа с аксакалами...

И строки в дневнике: «Очень красиво там, в горах. Горцы производят впечатление честных и гордых людей».

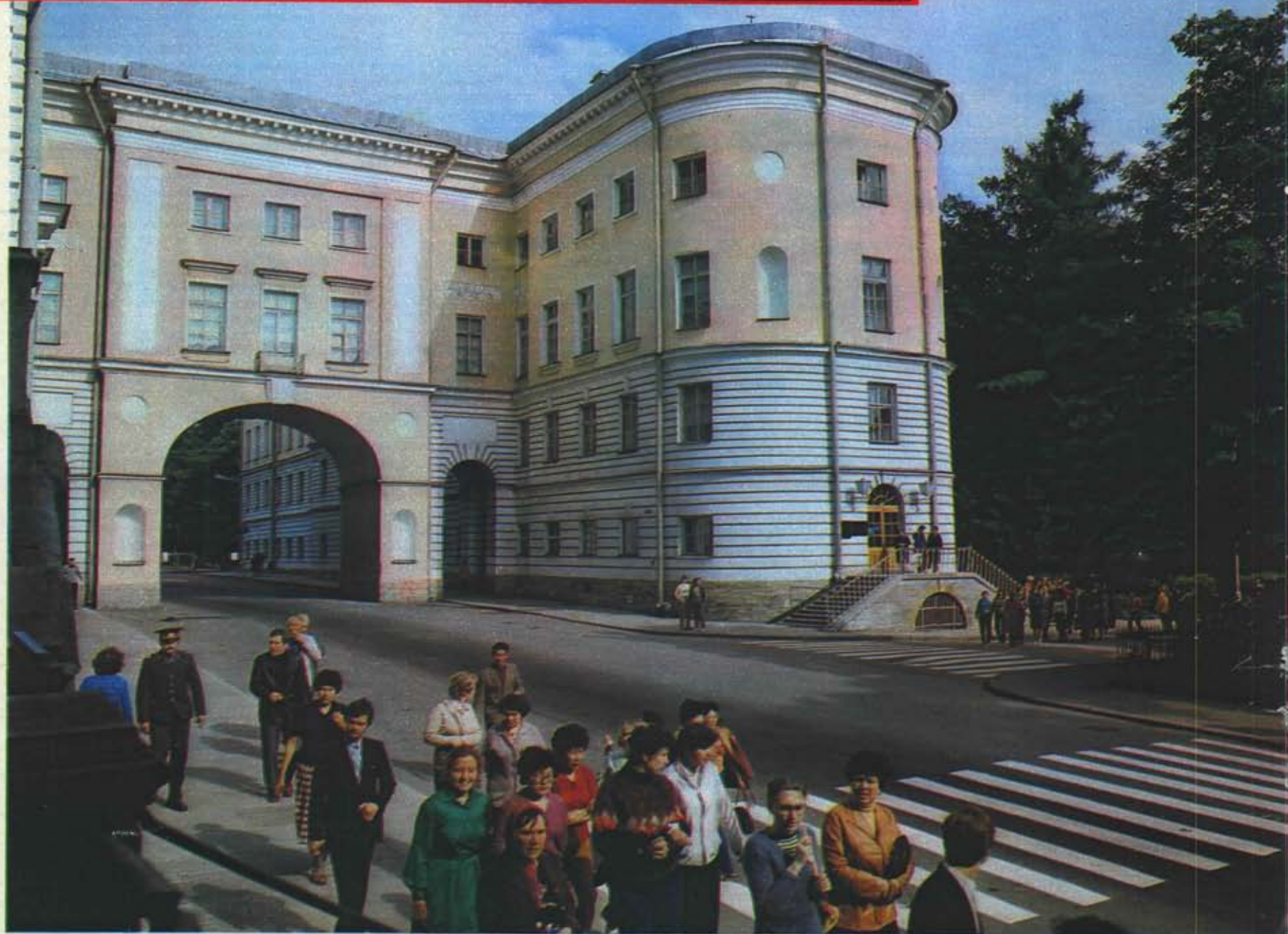
Итак, через познание, преодоление опасностей — к сочувствию, пониманию и любви. В этом ходе мыслей отзвук великих уроков нашей гуманистической культуры.

«Афганский дневник» стал своеобразным памятником выдающемуся мастеру политического телевизионного репортажа, каким был Александр Каверзнев. Его друзья-журналисты сумели донести до зрителя обаятельный образ Саши — умного и яркого собеседника, самоотверженного и доброго человека.

Александра беспокоили великие князья: они были грубы и невоспитанны. Их следовало учить.

Времена располагали к вольнодумству—дерзкие мысли бродили в голове императора: воспитать братьев на демократический манер, среди сверстников. Это было смело; может быть, слишком, и склонный к романтизму ум государя создавал образ некоего династического университета, где великие князья станут слушать публичные лек-

«ДЕРЖАВИНА ВИДЕЛ Я ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ В ЖИЗНИ, НО НИКОГДА ТОГО НЕ ПОЗАБУДУ. ЭТО БЫЛО В 1815 ГОДУ; НА ПУБЛИЧНОМ ЭКЗАМЕНЕ В ЛИЦЕЕ.»

ДНИ ЛИЦЕЯ

Алексей НИКОЛАЕВ.

Фото
Василия МИШИНА
и Сергея ПЕТРУХИНА

16 смена

**В ТЕ ДНИ—
ВО МГЛЕ ДУБРАВНЫХ СВОДОВ,
БЛИЗ ВОД, ТЕКУЩИХ В ТИШИНЕ,
В УГЛАХ ЛИЦЕЙСКИХ ПЕРЕХОДОВ
ЯВЛЯТЬСЯ МУЗА СТАЛА МНЕ.**

ции. Подобного заведения он не припомнил. Его надлежало учредить.

Гибкая и удобная эта мысль нравилась Александру, но вдовствующая императрица не полагала сего возможным: отдать сыновей хоть и в привилегированное, но—майн готт!—общее заведение было выше ее немецких сил. Мария Федоровна хрустела пальцами и сердилась. Великие князья выбыли из игры, но мысль о заведении осталась и, брошенная между прочим Сперанскому, вызревала. О новом заведении «для подготовки юношества, предназначенного к высшим частям службы государственной»,—не военном, не духовном, но статском,—были все его мысли.

Название он нашел, читая Плутарха,—Лицей. Античность входила в моду, и дух аристотелиевой школы в царско-сельских садах пришелся кстати. Приют Лицею отыскался во флигеле Екатерининского дворца, соединенного с ним аркой. Это было удобно. Старинный

**МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КЕЛЬЯ
ВДРУГ ОЗАРИЛАСЬ: МУЗА В НЕЙ
ОТКРЫЛА ПИР МЛАДЫХ ЗАТЕЙ...**

**КОГДА В ЗАБВЕНЬИ
ПЕРЕД КЛАССОМ
ПОРОЙ ТЕРЯЛ Я ВЗОР И СЛУХ...**

**НАД ПОЛКОЮ ПРОСТОЮ
ПОД ТОНКОЮ ТАФТОЮ
СО МНОЙ ОНИ ЖИВУТ.**

ВЕЛИКИЙ ПАТРИАРХ ЛЕСОВ...

**ДЕВА,
НАД ВЕЧНОЙ СТРУЕЙ,
ВЕЧНО ПЕЧАЛЬНА
СИДИТ.**

ского. В иных сильных местах веки старика чуть вздрагивают, открывая белесые, выцветшие глаза. Но он устал. Чтобы не длить экзамен, министр предлагает Гавриле Романовичу перейти к оценке «первого лепета лицейской музыки». Державин кивает равнодушно. Фамилии вызываемых ему ни о чем не говорят. Он молчалив и стар, как замшелый памятник в царскосельском парке. Вот выкликают Галич Пушкина. Дремливо, печально и неподвижно смотрит он на смуглого юнца с курчавыми волосами.

*Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес...*

И тут — странное движение в середине стола: точно потревоженная кем-то старая птица, вскидывает Державин веки. Белесые глаза темнеют. Он прислуши-

**«МЕЖДУ КОЛОННАМИ ПОСТАВ-
ЛЕН БЫЛ БОЛЬШОЙ СТОЛ, ПОКРЫ-
ТЫЙ КРАСНЫМ СУКНОМ С ЗОЛО-
ТОЙ БАХРОМОЙ. НА СТОЛЕ ЛЕЖА-
ЛА ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА, ДА-
РОВАННАЯ ЛИЦЕЮ» (И. И. ПУ-
ШИН).**

вается к голосу, отрочески зазвенев-
шему.

*Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник.
Ширяясь крылами,
Над ним сидит орел молодой...*

Державин встает из кресел, не ожи-
данно живо и упруго подымаясь на
ногах. Глаза его блестят.

*Летят на грозный пир;
Мечам добычи ищут,
И се — пылает брань;
На холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе
С мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.*

Державин слушает стоя; в блестящих
глазах — восторг. Отроческий голос
звенит:

*В Париже росси! —
Где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я зрю?
Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.*

**«...ВСЯКИЙ ДЕНЬ,
ПОСЛЕ КЛАССОВ,
ПРИБЕГАЛ К КАРАМЗИНЫМ
ИЗ ЛИЦЕЯ»
(М. П. ПОГОДИН).**

**ВОСПОМИНАНИЕ,
РИСУЙ ПЕРЕДО МНОЙ
ВОЛШЕБНЫЕ МЕСТА,
ГДЕ Я ЖИВУ ДУШОЙ...**

**ВЕДИ МЕНЯ ПОД ЛИПОВЫЕ СЕНИ,
ВСЕГДА ЛЮБЕЗНЫЕ
МОЕЙ СВОБОДНОЙ ЛЕНИ,
НА БЕРЕГ ОЗЕРА,
НА ТИХИЙ СКАТ ХОЛМОВ!..**

Державин опускает глаза; под тяжелыми веками — слезы. При последних словах —

*И ратник молодой
Вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца —*

выбегает из-за стола, протягивает руки — обнять Пушкина.

Пушкин убежал. Его искали, но не нашли...

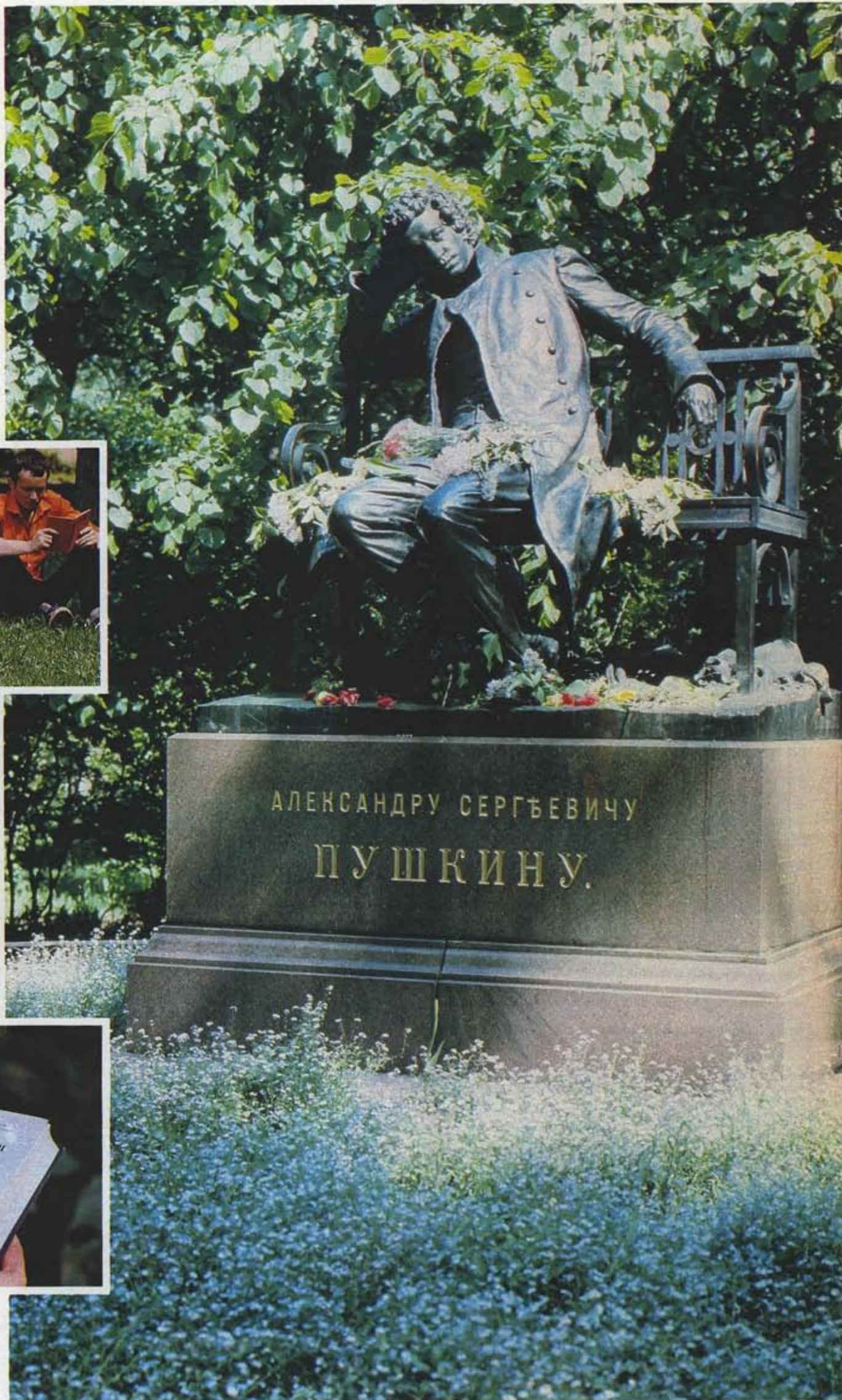
Вечером за обедом министр Разумовский обращался к раскрасневшемуся Сергею Львовичу:

— Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе.

Державин поглядел на министра, молвил резко:

— Оставьте его поэтом.

«Воспоминания в Царском Селе», впервые с полным именем — Александр Пушкин — напечатаны в четвертой книжке журнала «Российский Музеум», с примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает».

**СБИРАЙТЕСЬ ИНОГДА ЧИТАТЬ
МОЙ СВИТОК ВЕРНЫЙ...**

**МЛАДЫХ БЕСЕД
ОСТАВЯ БЛЕСК И ШУМ,
Я ЗНАЛ И ТРУД И ВДОХОВЕНЬЕ...**

А ЧТО У ВАС?

ПРИГЛАШЕНИЕ
К СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

КУКЛЫ
ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК?

КОРАБЕЛЫ
В КРАСНЫХ
ГАЛСТУКАХ

КРЫШУ
ДЕРЖИТ
ВОЗДУХ

ИСПЫТАННОМУ —
ВЕРИТЬ

«Надувной» бетон

Конечный результат строительства по технологии, разработанной в уральском комплексном опытно-конструкторском отделе Всесоюзного института «Оргэнергострой», хорошо виден на снимке.

Такие сооружения пригодны для складов и овощехранилищ, животноводческих ферм и торговых центров, всевозможных укрытий для техники, цехов для консервирования фруктов, помещений для заготовки и хранения кормов. Причем установка секции в проектное положение длится всего сорок минут!

Для подобного строительства нужен лишь специальный резиновый баллон. Его поверхность покрывают свежей бетонной смесью, затем внутрь баллона компрессоры закачивают воздух — до тех пор, пока здание не достигнет проектной отметки. Когда бетон затвердеет, баллон убирается, и склад готов.

Обнастка не требует создания предварительной индустриальной базы, поэтому очевидно, что способ свердловчан незаменим для районов Крайнего Севера, не говоря уже о регионах, где сельскохозяйственная продукция зачастую гибнет, не дождавшись надежного и быстрого прикрытия от осенних дождей.

Юрий ВЕЛИКАНОВ.
Фото
Валерия ВОЛКОВА

Село Пиросмани появится в местах, где прежде не селились люди. Причины обычные: нет воды, плохая земля. Но протянулся по этим краям один из каналов Алазанской оросительной системы, и оживила земля! Но для кого?

Вот тогда в соответствии с долгосрочным планом наиболее рационального размещения производительных сил республики архитекторы «Грузгипросельстроя» и

ПРОЕКТЫ

Деревня по городским масштабам

спроектировали у себя в институте новое село. Причем будущие жители его могут быть спокойны — проекты их усадеб взяты горожанами не «с потолка», а разработаны с учетом традиции национального зодчества и традиционного уклада сельской жизни.

Таких «типовых» сел построено в республике немало. Однако это совсем не значит, что они похожи друг на друга. Ведь дома возводятся из типовых конструкций, но отнюдь не по типовым проектам. Кроме того, после сдачи каждого нового села в эксплуата-

цию архитекторы тщательно собирают отзывы местных жителей. И в дальнейшем строительстве участвуют лишь те проекты, которые собрали наибольшее число голосов.

Общим для всех современных сельских жилищ остается одно — высокий уровень бытового комфорта: канализация, отопление, электрогазоснабжение.

Николай УКРОПОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ

ВОДА ВОДУ МОЕТ

Обычно минеральные воды лечат недуги человека. Доридагские минеральные воды из Джульфинского района Нахичеванской АССР отныне будут «лечить» и окружающую среду. Вернее, защищать ее от грязи промышленных стоков.

Дело в том, что ученым Института неорганической и физической химии Академии наук республики удалось создать специальные добавки, которые превращают местную «минералку» в отличное средство для очистки использованной в производстве воды от всевозможных химических компонентов, «унесенных» с предприятия.

Серафим АБДУЛОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

КУРСОМ НА СЕВЕР

Представляете, какую изобретательность надо проявить при строительстве копии судна, которого еще нет на свете? Именно так было, когда юные судомodelисты Херсона создавали модель только еще строящегося первого советского лихтеровоза «Алексей Косыгин».

Многие часы провели судомodelисты в Херсонском судостроительном производственном объединении. С фотоаппаратами, линейками, рулетками, блокнотами для эскизов. Возле стапеля, где строилось судно, и в конструкторском бюро. И многое узнали. Настоящий лихтеровоз

будет приписан к порту Владивосток. Район плавания — моря Северного Ледовитого океана. Судно способно взять на борт семьдесят восемь лихтеров (несамоходные баржи).

Копия лихтеровоза уже готова. Ее вы видите

на нашей фотографии. Причем модель оказалась настолько удачной, что тут же стала экспонатом Херсонского краеведческого музея.

Анатолий ЛЕЛЬЕВ.
Фото автора

НОВОЕ — СТАРОЕ

Ода столетнему экипажу

Совсем было отчаялись работники Рижского трамвайно-троллейбусного управления! К столетию самого древнего вида городского транспорта — трамвая они задумали сделать подарок Риге: показать людям самый первый трамвайный вагон. Первые поиски не дали результатов. И все же на местной киностудии упорные энтузиасты отыскали остов «прадедушки» рижского трамвая. Но в каком виде? Лишь в одном из окон сохранились остатки стекла вентиляционной форточки с орнаментом — и все.

Однако энтузиасты не унывали. После активных архивных поисков был «вычислен» дом, в котором действительно нашлось еще кое-что: обломки латунных деталей вагона, основы куполов бывших лампочек, двери со специальным отверстием, через которое продавались билеты.

Остальное специалисты додумали и восстановили сами. Причем даже окраска «прадедушки» подлинная. Ее определили по цветному изображению, найденному в архиве Рижского городского архитектурно-планировочного управления.

Ивар КРУМИНЬШ

НОВЫЕ ТОВАРЫ

«БОЛЕЛЬЩИКИ»

Двенадцать стран мира покупают продукцию московского завода игрушек «Кругозор». Несмотря на молодость (самому заводу, между прочим, пошел лишь восьмой год), здесь работают зрелые, опытные мастера. Комсорг швейного цеха Н. Рыжкина, например.

Вторая причина, по которой игрушки «Кругозора» пользуются завидной популярностью, — непрерывное обновление ассортимента. Про-

И «ФУТБОЛИСТЫ»

ектно-конструкторский отдел по разработке и внедрению новых видов игрушек предложил недавно поставить на конвейер сразу троих «новожденных» — кукол «бамовец», «футболист» и «болельщик». В тот день, когда были сделаны эти снимки, завод впервые выпустил сто пятьдесят «болельщиков» и «футболистов».

Константин ЛОШАКОВ.
Фото
Владимира МАШАТИНА

ЦАРЕВН

**ОБЫКНОВЕННАЯ
КВАКША
ЖИВЕТ НА
ДЕРЕВЬЯХ И
КУСТАХ.
ЛОВКО
ПЕРЕПРЫГИВАЕТ
С ВЕТКИ НА
ВЕТКУ.
ПОСЛЕ
ЖАРКОГО ДНЯ
ОНА
СПУСКАЕТСЯ
НА ЗЕМЛЮ,
КУПАЕТСЯ,
А ПОТОМ УЖЕ
ПРИСТУПАЕТ
К ОХОТЕ.**

**ЗЕЛЕНУЮ ЖАБУ МЕНЬШЕ,
ЧЕМ ДРУГИХ, ИНТЕРЕСУЕТ
ВЛАЖНОСТЬ ВОЗДУХА. ЕЕ ПЕСНИ
ЗВУЧАТ ДАЖЕ В ПУСТЫНЕ.**

Эра биологии

**Людмила
СТИШКОВСКАЯ.
Фото автора**

*И вдруг мне вспомнилось.
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь.
Что человек есть царь природы.*

**УВИДЕТЬ СЕРЫХ ЖАБ В ВОДО-
ЕМЕ МОЖНО ТОЛЬКО ВЕСНОЙ. В
НАШЕЙ СТРАНЕ ЭТО САМЫЕ
КРУПНЫЕ ЖАБЫ: ИХ ДЛИНА ДО-
СТИГАЕТ 20 САНТИМЕТРОВ.**

Прочитав эти строки, я пожалела, что под руками нет современного букваря. Но, подумав, решила, что вряд ли стоит расстраиваться. Если буквари, издающиеся в наши дни, затрагивают ту же тему, что и Леонид Мартынов, трактуют они ее по-другому. Иначе и быть не может. Столетия дикая природа казалась неизблемой, вечной, воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Но кончился девятнадцатый век, стал набирать темп двадцатый, прогресс начал основательно теснить ее, уничтожать. Вскоре было сделано открытие: природа — очень сложная система, все, что входит в нее, уникально и тесно связано друг с другом. А человек, хотя и венец ее творения, но не царь, не узурпатор, а лишь один из членов громадного сообщества, обитающего на планете Земля. И если он пробудит силы, враждебные животному и растительному миру, то может сам себя уничтожить.

К сожалению, это не слова. Как показывают точные подсчеты, с 1600 по 1969 год канули в Лету 94 вида птиц и 63 вида зверей. Сейчас под угрозой исчезновения находится более 600 видов птиц, около 120 видов зверей.

Не помню где, но однажды мне попалось высказывание, поразившее меня. Я запомнила лишь его суть. Человек на самом деле такой, каким он бывает, когда остается один на один с собой, когда считает, что за ним никто не наблюдает. Я живу в новом районе. Из окна квартиры, расположенной на пятом этаже, хорошо просматривается достаточно большое пространство, испещренное тропинками. Люди на этой площадке, особенно днем, появляются не часто, и им даже в голову не приходит,

что их здесь кто-то может увидеть. Потому ведут они себя раскованно, без всяких внутренних поправок. Вот на тропинке молодой человек. Остановился. Закурил. Пустая пачка из-под сигарет летит в снег. Молодой человек, появившийся вслед за первым, присел на заборчик возле голубятни. Пока ждал своего приятеля, решил испробовать силу на деревце. Рядом с заборчиком стал торчать остаток ствола, а приятели исчезли из моего поля зрения. Однако тут по тропинке зашагала женщина. Видно, что-то вспомнила, стала копаться в хозяйственной сумке. И в сумке оказывается сверток.

Как станут вести себя люди, за которыми я наблюдала, когда окажутся в лесу, на реке? Они будут верны себе.

У меня есть знакомые, которых во все времена года вполне устраивает городская ландшафт. И таких людей немало. Однако я, как и миллионы других, когда стоит хорошая погода, не могу усидеть на месте. И вот воскресенье. Светит солнце. Иду по оврагу. До пруда еще далеко, а в одно ухо влетает репортаж спортивного радиокomentатора, в дру-

гое — голос задыхающейся от свержитма гитары. Вскоре все заглушают магнитофонные крики. Настроение падает. Зачем эти люди покинули город? Природа как таковая им не нужна. Ни хор кузнечиков, ни другие голоса Земли они не слышат. Надежно заслонились от непривычных звуков техникой.

Нет, я ошиблась, решив, что природа никого не интересует. На берегу — бездыханные тела лягушек, их полувысохшая икра, охалки водных растений — их бывшие убежища. Наконец адали замечают охотника на лягушек. Оказывается, он еще не закончил «работу»: в руках камень и рогатина. А как же иначе? Охотится ведь не на беспомощных существ, а на грозных хищников. В очередной раз меня душит стыд за своих собратьев. В очередной раз чувствую полное бессилие. «Что предпринять? Слова бесполезны. Но что на него может подействовать?» — мечется мысль. «Еще раз увижу за этим занятием — отлуплю!» — вдруг неожиданно для себя выпаливаю я. И тут же, вспомнив про свою тщедушность, внутренне сникаю. «Как бы не получилось наоборот» — мелькает мысль. Но детина видимо, удивленный, что у лягушек могут быть защитники, лепечет: «Это не я, я

их не трогал». «И что они тебе сделали?» — спрашиваю, не зная зачем. Парень, забыв о своей невинности, отвечает: «А они вредные, ядовитые». Серьезный подход. Вершит суд: кому жить, а кому не жить — не просто так. Приговор выносится на основе обвинения. Вот только есть маленькая деталь. Аргумент, выдвинутый против лягушек, с огромной бородой. Появился он столетия назад. Усердно передается из поколения в поколение. Но пока что в нашей стране по вине амфибий еще ни один человек не попал в больницу.

Сотни лет висит над лягушками и другое обвинение. В прямую связь с ними ставят появление бородавок на руках. Блажен, кто верует. Однако это продолжение серии сказочных преданий типа: «Раздави лягушку — пойдет дождь».

Стремление обезопасить себя от предполагаемых напастей еще можно как-то понять. Хуже, когда заявляют: «А зачем они нужны, эти лягушки?» И действительно, какой от них прок?

14 мая 1794 года, почти двести лет назад, из-за лягушек скрестили шпаги два итальянца: профессор анатомии Луиджи Гальвани и физик Алессандро Вольта. Один утверждал, что существует «живое электричество», другой отрицал это. Спор растянулся на десятилетия, продолжали его уже сторонники Гальвани и Вольты. А когда дискуссия закончилась, началась эпоха электро-техники, родилась электрофизиология. Для великого русского ученого Ивана Михайловича Сеченова 1866 год был не очень приятным: против него — автора «Рефлексов головного мозга» — было возбуждено судебное дело. Узнав об

А лягушка

этом, Иван Михайлович сказал: «Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд лягушку и продаю перед судьями все мои опыты...» И в прошлом и в настоящем заслуги этих невзрачных существ в развитии науки и культуры столь велики, что в Париже перед зданием Пастеровского института им установлен памятник. Недавно на деньги, собранные японскими студентами-медиками, в Токио воздвигнут второй памятник лягушке.

Амфибии давным-давно заслужили еще один памятник. Они добровольно взяли на себя черную работу санитаров: уничтожают врагов лесов, полей, садов, огородов... На одном квадратном километре лягушки за год истребляют 15 тонн вредителей леса. Комары, между прочим, тоже по их части.

Но даже если бы амфибии не приносили никакой видимой пользы, разве стали бы они от этого хуже? А разве само наблюдение за ними неспособно дать человеку целую гамму впечатлений?

Весна. Она еще осторожно ступает по земле, а травяные лягушки собрались в пруду, у них разгар свадеб. Вхожу в воду. Стою, стараясь не делать руками резких движений. Вскоре начинаю подзревать, что меня принимают за обыкновенный пенек. Пенек, правда, несколько высоковат. Поэтому лягу себя надеждой, что лягушки, несмотря на мою несурзность, все же приняли меня в свою компанию. Пытаюсь разобраться в положении дел. Рядом со мной счастливицы. Они не выпускают своих невест из лап. Остальные, судя по виду, не теряют надежды. Сидят, смотря во все глаза, прислушиваются к каждому всплеску. Головы некоторых торчат из икры. Нет, это не чадолюбивые отцы. Травяных лягушек не интересует будущее потомство. Но, может, ими движет гастрономический интерес? Тоже нет. Пока не закончится сезон свадеб, у травяных лягушек пост, букашку даже не съедят. Но зачем тогда они забрались в икру? Хитрецы. В икре теплее, чем в воде.

Время летит быстро. Проходит три недели. И снова светит солнце. Снова пруд. Тот же. Травяные лягушки давным-давно в лесу. Вдруг раздается звонкая мелодичная трель. Услышав в первый раз эту трель, я стала осторожно подбираться к певцу, хотела выяснить, что за птица поет в кустах на берегу. А обнаружила на мелководье зеленую жабу.

Зеленая жаба оказалась гостеприимной. Она разрешила подойти к себе очень близко. Больше того, вела себя, как кинозвезда. Словно и не шелкал рядом фотоаппарат.

На следующий день, найдя свою знакомую на старом месте, я попробовала спеть, как она. Зеленая жаба привстала, выпрямилась насколько могла и вежливо ждала, когда я закончу свою партию. А потом в тишине зазвучала ее трель. Настала моя очередь. И опять запела зеленая жаба. Успех не вскружил мне голову. Я понимала, мои трели далеки от совершенства. Я замолчала. Зеленая жаба стала петь одна. Поблагодарив ее за участие в дуэте, за то, что она снизошла до непрофессионала, я пошла в глубь пруда. Неподдалеку послышались жалобные стоны. Это сын жерлянки вводил несведущих в заблуждение. На самом деле с ним ничего не случилось. Он преспокойно лежит на воде и выводит свою незамысловатую песенку: «Унк-унк-унк...» А издали кажется, что доносятся чьи-то стоны. Хотя, конечно, у сына жерлянки, который теперь стал взрослым, есть основания

жаловаться на свою жизнь. Ему надоело одиночество, он решил жениться. Об этом он и поет-стонет.

Сына прудовой лягушки одолевают сходные заботы. Поэтому и он начал исполнять серенаду. «Козокс, козкс, козкс...» — самозабвенно выводил сын прудовой лягушки. Вдруг вода заколыхалась. Сын прудовой лягушки простер вперед передние лапки. Но, увы, он ошибся. Рядом с ним выплыла не долгожданная невеста, а моя знакомая — жаба. И сразу запротестовала. Разумеется, не открывая рта. Так положено разговаривать амфибиям. Не разомкнув уст, они ухитряются сообщить друг другу все необходимое. На этот раз в переводе на наш язык было сказано: «Я — не лягушка. Я — зеленая жаба. Не смей меня трогать».

Наконец переполох утихает. Можно и поохотиться. Добыча под носом. Жужжит, гудит назойливо. Сын прудовой лягушки не выдерживает, пускает в ход лассо — язык. Лассо срабатывает без промаха. Жук пойман. 50 зубов, правда, только на одной челюсти, но все равно можно позавидовать. Однако не торопитесь. Лягушачьи зубы мелкие, вдобавок их проще нащупать, чем увидеть. Поэтому единственное, на что они способны, — не дать ускользнуть добыче. А добыча? Она не успевает прийти в себя, как ее проглатывают. Язык у лягушки — приверженец узкой специализации. Освоив ловлю насекомых, он научился их глотать. Глаза, наоборот, не прочь совмещать даже совсем не смежные профессии. И расплачиваются за это. Время от времени они пытаются исчезнуть в физиономии лягушки куда-то внутрь головы: помогают проглотить добычу.

При всех достоинствах лягушки и жабы не гурманы. Ни внешний вид пищи, ни запах, источаемый ею, их не интересуют. И любому насекомому приходится превращать бег или полет навсегда. Зная это, можно подумать, что у лягушек нет сердца. Но подозрения беспочвенны. Есть. Причем целый пять. Одно, как и у всех, перегоняет кровь, а четыре остальных — лимфу.

На этом чуде не кончаются. Ничем не прикрытая, всегда влажная кожа амфибий — извечный повод для неприязни людей к ним. Но в свое время амфибии не подумали, какое они будут производить впечатление. И разделись до неприличия. На то у них, правда, были причины. Они вздумали дышать кожей. Но осуществлять это действие можно, лишь когда она влажная. В результате амфибии стали единственными, кто нарушил закон: у живущих на суше кожа должна быть сухой.

Непочтение к законам, как известно, чревато последствиями. Лягушек тоже ждала кара. Они попали в заколдованный круг. Влажная кожа — словно открытая водная поверхность. А испарение сопряжено с понижением температуры. И как бы ни старалась лягушка удержать в своем бедном теле крохи тепла, ей ничего не удается сделать. Она холоднее воздуха. Вот вам и еще один повод считать ее отвратительным существом.

Но тем не менее каждый год, пока в водоемах есть лягушки, я приезжаю к ним в гости. Уверена, радость от общения с ними испытываю не только я. И если в один прекрасный день они перестанут выводить свои незамысловатые рулады, не будет возможности просто увидеть их, жизнь станет тусклее. А между тем некоторые амфибии, как и птицы и звери, уже попали в печальную известную Красные книги. И ждут они помощи человека.

ШАХМАТЫ
ШАШКИ

ШАХМАТЫ

«83»

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Во втором туре нашего шахматного конкурса предлагаем читателям решить две задачи-миниматюры (так называются задачи с числом фигур не более семи). Этот жанр шахматной композиции пользуется особым расположением у любителей шахмат. Легкость позиций на первый взгляд обещает и быструю разгадку. Однако такое впечатление часто бывает обманчивым. Пожалуй, и одно из заданий сегодняшнего тура доставит немало хлопот участникам конкурса.

I

Белые: Крd2, Фа2, Лd5, Сg8 (4).
Черные: Крb4, пп. b6, b7 (3).
Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

II

Белые: Крc2, Фd6, Ле2, пп. b3, c5 (5).
Черные: Кра2, Фа5 (2).
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 2-й тур». Последний срок присылки ответов 15 октября (по почтовому штемпелю).

По просьбе читателей напоминаем, что «Шахматный конкурс-83» будет состоять из восьми туров, последнее задание мы опубликуем в № 22. Итоги конкурса редакция подведет в следующем году. В № 23 за этот год вы найдете ответы на задания «25-й шахматной олимпиады», завершившейся в № 14, а спортивные результаты этого заочного соревнования будут опубликованы в № 24.

ШАШКИ

«83»

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Многие читатели спрашивают, когда партия считается закончившейся ничью. «Шашечный кодекс СССР» гласит:

- Партия считается закончившейся ничью, если:
 - один из участников предлагает ничью, а другой принимает это предложение;
 - один из участников, установив, что за последние 30 или более ходов материальное соотношение сил не изменилось, до совершения хода заявит о прекращении партии;
 - шашист, имея в окончании партии три дамки (и более) против одной дамки противника, своим 15-м ходом (считая с момента установления соотношения сил) не возьмет дамку противника;
 - участник, имея в окончании партии три дамки (и более) против одной дамки, находящейся на большой дороге, своим 5-м ходом не сможет добиться выигрыша;
 - участник, имея в окончании партии две дамки или дамку и простую против простой или дамки, своим 10-м ходом не сможет добиться выигрыша;
 - три (или более) раза повторяется одна и та же позиция (одно и то же расположение шашек), причем очередь хода каждый раз будет за одной и той же стороной.

По просьбе читателей в следующем номере мы продолжим знакомство с «Шашечным кодексом СССР».

Второй тур

- Б. Таранцев (Ворошиловградская область).
Публикуется впервые
- А. Катюха (Винница).
Публикуется впервые

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.
Последний срок присылки ответов на задания второго тура — 15 октября (по почтовому штемпелю).

ШАХМАТЫ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

В ПАМЯТЬ О ПОДВИГАХ И ЖЕРТВАХ

В итальянском городе Комо состоялось открытие памятника в честь героев европейского антифашистского движения Сопротивления. Автор — известный скульптор Джанни Коломбо. В основание памятника заложены 12 камней, привезенных из 11 бывших нацистских концентрационных лагерей и из Хиросимы. Выступавшие на митинге говорили о высшем долге каждого человека сегодня: помочь спасти мир от ядерной катастрофы.

«УНИТА», ИТАЛИЯ

Контролирует Уру

Днем и ночью шумят толпы пассажиров в международном пражском аэропорту, самолеты отсюда улетают во все концы планеты. Тысячи пассажиров проходят обычный таможенный досмотр. Но в персонале таможни есть и не совсем обычный сотрудник — песик Уру. Перепрыгивая с чемодана на чемодан, он деловито прищипывается к каждому из них и безошибочно указывает на то место багажа, в котором почуял запах наркотика. Да, бывает, что и такой «груз» пытаются провезти визитеры с Запада...

«КВЕТЫ», ЧССР

Когда газета не нужна

По данным министерства культуры Франции, французы и француженки отворачиваются от ежедневных газет. Почти каждый третий из числа опрошенных заявил, что «никогда или почти никогда» не читает газет. Согласно проведенной анкете, жители Франции уделяют просмотру телевизионных программ в среднем по два часа в день, слушанию радиопередач — один час, а чтению газет — всего пятнадцать минут.

«АНТЕНИ», БОЛГАРИЯ

САМЫЕ ДРЕВНИЕ ИЗ МИНЕРАЛОВ

Группа австралийских студентов обнаружила неподалеку от города Микатарра, расположенного на западе Австралии, в древнем русле реки минерал, возраст которого исчисляется в 4,1—4,2 миллиарда лет. Возраст на 400 миллионов лет больше, чем у самых древних земных пород, известных до этого. Другими словами, образование найденных минералов началось приблизительно в то же самое время, когда начала формироваться планета. Речь идет о гранулах циркония, содержащихся в песчаных отложениях, которые обнажились в процессе длительного выветривания.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Карлсон, который едет по улице...

Прохожие в Париже стали недавними свидетелями необычного зрелища: по одному из мостов, перекинувшегося через Сену, несся с невероятной скоростью какой-то молодой человек, ухватившись обеими руками за что-то наподобие вентилятора, с роликовыми коньками на ногах. Остановившись, незнакомец представлялся любопытным и объяснял: «Меня зовут Фрэнсис Траунинг, я являюсь автором изобретения, названного мною «роллермэн» — «катящийся человек». И пояснял: специальный моторчик приводит в движение пропеллер, который позволяет человеку, надевшему ролики, быстро и легко двигаться вперед. 27-летний Фрэнсис родился и ра-

ботает в Женеве. Он убежден, что открыл новое средство индивидуального передвижения, способное решить многие проблемы на перегруженных автотранспортом городских улицах.

«ФИГАРО», ФРАНЦИЯ

Почти всё о планете Земля

Выпуск оригинальных универсальных глобусов освоен на одном из предприятий итальянской фирмы «Нова Рико» во Флоренции. Новое наглядное пособие сочетает в себе сразу несколько достоинств: помимо физической и политической карт мира, по нему можно изучать данные о климате нашей планеты в зимнее и летнее времена года.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ», ЧССР

По патенту капитана Немо

Неподалеку от французского города Сен-Мало спущено на воду исследовательское судно «Акваспас». По мнению многих специалистов, создатель этого судна, известный изобретатель Жак Ружри, просто-напросто воспользовался «патентом» капитана Немо из романа Жюль Верна и фактически построил надводный вариант знаменитой подводной лодки «Наутилус». Двадцатиметровый алюминиевый корпус не предназначен для погружения в морские глубины, но, несмотря на это, Жак Ружри намеревается совершить на нем увлекательное кругосветное путешествие — как герои Жюль Верна. Судно пригодно и для подводных исследований: нижняя часть его корпуса и все дно изготовлены из прозрачного материала.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

КАК СТРОИЛИСЬ ПИРАМИДЫ?

Сегодня можно с уверенностью сказать, что место строительства трех знаменитых египетских пирамид, в том числе и пирамиды Хеопса, было выбрано не случайно. Египетские строители хорошо знали, что в этом районе имеются значительные запасы высокопрочного известняка. Расположение пирамид обусловлено также и наличием карьеров, в которых добывались огромные каменные блоки. Не менее важно и другое: неподалеку располагались мощные пласты мергеля. Древние строители обматывали им деревянные катки для перемещения многотонных каменных глыб.

«КВИК», ФРГ

«Макаронный музей»

Такой музей открыт в Италии. В его залах экспонируется многочисленный ассортимент спагетти, а также представлены рецепты приготовления этого национального блюда. Одним из самых ценных экспонатов музея является документ, свидетельствующий о том, что впервые макаронеры вошли в рацион итальянцев в 1363 году.

«НОЙЕС ЛЕБЕН», ГДР

А ЧТО НА ДИСКЕ?

Артур Линджен, врач, практикующий в пригороде американского города Филадельфия, может «читать» пластинки с записями, определяя, чья и какая музыка на них записана. Он смотрит на рисунок бороздок и канавок на диске — и через несколько секунд уверенно произносит: «Стравинский, «Весна»; Штраус, «Альпийская симфония» и т. д.

По настоянию друзей Линджен выдержал испытание скептически настроенных музыкантов и музыкальных критиков. Он выступил в телевизионной передаче «Просто невероятно», по ходу которой отгадал, вернее, «прочитал» все 20 предъявленных пластинок, которые ему показывал музыковед Темплского университета Стимсон Карроу.

Свой секрет Линджен объясняет следующим образом. Все канавки незначительно отличаются по форме и величине, что зависит от силы звука и частоты музыкального звучания. Канавки с мягкими пассажами кажутся черными или темно-серыми. Когда музыка становится громче или сложнее, как, например, при симфоническом аккорде, вид канавок тоже изменяется и они становятся серебристыми. Ударные акценты имеют вид крохотных зубчиков. Конечно, Линджен не просто смотрит на пластинку, но сопоставляет рисунок на диске с тем, что знает о композиционных формах.

«ТАЙМ», США

П

оздним вечером 21 августа 1961 года из Национальной галереи Лондона исчез «Герцог Веллингтонский» работы Гойи. Произошло это через пятьдесят лет после похищения знаменитой «Моны Лизы».

Портрет герцога Веллингтонского не является шедевром Франсиско Гойи. Тем не менее кража картины вызвала в Англии бурю негодования: ведь речь шла о портрете английского национального героя, своего рода британской святыне. Дело породило много толков, вызвало специальные заседания правительства и дебаты в палате общин...

Своей победой над Наполеоном в сражении под Ватерлоо 15 июня 1815 года герцог Веллингтонский снискал почти легендарную славу, еще при жизни ему были воздвигнуты памятники. До этого во главе английского корпуса он оказывал поддержку испанцам и португальцам в народной войне против французского владычества. Об этом рассказывают зарисовки Гойи «Бедствия войны». Художник хотел, как он сам однажды сказал, увековечить «важнейшие героические дела и эпизоды доблестного восстания против тирана Европы».

...12 августа 1815 года Веллингтон, бурно приветствуемый местным населением, въехал в испанскую столицу. Гойя спешил ему навстречу, миновал вражеские позиции и уже после битвы у Арапильса делал зарисовки. Вслед за первыми набросками он писал в Мадриде портрет всадника и поясной портрет размером 64×52 сантиметра. Он изобразил герцога в красном мундире с золотым галуном, медалями и орденами. Коричневое, с бронзовым отливом лицо, загоревшее под солнцем Испании, со своенравным лбом, крупными дугами бровей, впалыми щеками, линия которых упрямо спускалась к угловатой челюсти с длинным, выдающимся вперед подбородком... Орлиный нос, с тонкими губами рот, мощная спина... Это портрет полководца-триумфатора. И тем не менее он не был традиционным портретом властелина и оставлял у зрителя ощущение новизны взгляда.

Портрет Веллингтона прошел через множество рук и в конце концов оказался в собственности герцога Лидского. В мае 1961 года лондонская аукционная фирма Сосеби сообщила в ведущем художественном журнале «Барлингтон мэгззин», что 14 июня она будет проводить распродажу известных полотен старых мастеров из собрания герцога Лидского, киноактрисы Элизабет Тэйлор, фигуристки Сони Хени и прочих. Среди предложенных к продаже полотен находились творения Рубенса, Брейгеля, Франса Гальса, Краха Старшего, Каналетто и «Герцог Веллингтонский» Гойи.

Около 11 часов утра 14 июня перед домом на Нью-Бонд-стрит, 34/35, толпились покупатели. В не-

Опубликованный в «Смене» очерк Винфрида Лешбурга «Похищение Моны Лизы» (№ 18, 1982 год) вызвал широкий читательский интерес. Мы получили много писем, авторы которых просили рассказать о таком распространенном на Западе явлении, как хищение знаменитых произведений искусства.

Предлагаем читателям еще одно исследование Лешбурга — историю пропажи портрета «Герцог Веллингтонский» работы Франсиско Гойи. То, о чем рассказывает автор, вновь дает нам возможность задуматься о сути и формах жизни столь далекого для нас общества, где основным законом является закон денежного мешка...

ТАЩИНА

ВЕЛЛИНГТОНСКАЯ

ИЛИ КАК И ПОЧЕМУ ИСЧЕЗАЮТ НА ЗАПАДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

большом здании, главном корпусе основанной еще в 1744 году знаменитой художественной фирмы, и находился центр международной торговли произведениями искусства. Публичные торги у Сосеби происходили два раза в неделю и всегда являлись заметным общественным событием.

Репортеры газет раздобывали сведения о почетных гостях, занимавших номерные места на шатких позолоченных стульях, — богатых коллекционерах, видных антикварах. Те из многочисленных покупателей, кто не нашел места в аукционном зале, находились в соседних помещениях, расположившись у телевизоров. Сосеби — первый в мире дом антиквариев, ставший обладателем собственной телевизионной установки. Предлагаемые к распродаже предметы были уже известны по иллюстрированному каталогу...

Доставленные на аукцион 124 картины старых мастеров, в том числе 32 из собрания Лидса, были оценены в 6,5 миллиона марок ФРГ¹, что было наивысшим итогом сезона. Правда, подобные суммы для Сосеби не были чем-то диковинным. Бухгалтерские книги фирмы хранят более значительные цифры.

Среди представленных в тот день экспонатов только портрет работы Гойи принес 140 тысяч фунтов (около 1,5 миллиона марок). По этой сенсационной цене картину приобрел американский миллиардер и коллекционер произведений искусства Чарльз Б. Райтмен, бывший президент нефтяной компании

«Тексас ойл». На следующий день, как обычно, британские и зарубежные газеты сообщили о примечательных итогах торгов. Продажа американскому нефтяному магнату портрета английского национального героя привлекла всеобщее внимание и вызвала резкую критику. Факт, что эта картина будет вывезена за границу и, видимо, навсегда останется по ту сторону Атлантики, исчезнув в частной коллекции, взбудоражил англичан. В читательских письмах британцы требовали, чтобы правительство ввело запрет на вывоз картины.

Новый обладатель полотна заявил о своей готовности перепродать картину Национальной галерее. Бюджет музея, однако, не позволил затратить взвинченную на аукционе сумму. Только лишь когда частный Исаак-Вольфсон-фонд ассигновал 100 тысяч фунтов, правительство согласилось с проектом и внесло недостававшие 40 тысяч. Портрет был передан Национальной галерее и с 3 августа, расположенный на почетном месте в вестибюле, предстал взорам лондонцев. Через несколько недель он таинственным образом исчез.

21 августа галерею посетили 5690 человек. В 18 часов для публики музей закрыли. Как обычно, служащие приступили к уборке и ремонтным работам. В тот вечер 17 человек, включая электрика, работали в помещениях. Сигнальное устройство во избежание ложной тревоги включили лишь в 21 час.

Национальная галерея считалась наинадежнейше охраняемым музеем мира. Все окна зарешечены и подключены к электрической сигнализации. Все мыс-

лимые подступы к музейному комплексу блокированы. Музей оборудовали системой фотоэлектрических элементов. Лучевая сеть, проложенная в 18 сантиметрах от пола, немедленно срабатывала, как только кто-нибудь ступал в выставочный зал.

...В 19.40 дежурный обошел галерею. Он убедился, что в выставочных помещениях все оставалось неизменным и Гойя висел на своем месте. Тремя часами позднее один из зрителей неожиданно обнаружил, что портрет герцога Веллингтонского отсутствует.

Руководство музея немедленно известило полицию. Заведующий отделом Скотланд-Ярда, связанным с раскрытием краж, направил в музей своих талантливейших сотрудников. Восемь специалистов по дактилоскопии изучили все следы и отпечатки. По их мнению, хищение совершили три человека. Поскольку ничто не указывало на взлом, следовало предположить, что воры (или один из них) остались вечером запертыми в галерее.

В аэропортах и гаванях служащие уголовного розыска предприняли проверку багажа. Однако портрет обнаружен не был.

16 июля 1961 года над Южной Францией завывал мистраль, жаркий сухой ветер. В Сан-Тропе, модном курорте на Ривьере, в тот вечер отмечали праздник лета. Шторм заглушал музыку и гомон веселящихся курортников, никто не присматривал за расположенной вне пределов городка капеллой, маленьким музеем, обладавшим прекраснейшим собранием произведений XIX и XX веков.

В два часа ночи к музею подъехал небольшой грузовик. Трое мужчин перелезли через ограду и открыли дверь. Из экспонировавшегося 91 полотна они со знанием дела отобрали 57 картин работы Матисса, Утрилло, Синьяка, Боннара... Сторож находился в музее только днем. Охранное устройство отсутствовало. Как раз в прошедшие недели муниципалитет Сан-Тропе поднял вопрос об обеспечении аптекарских и парфюмерных магазинов города сигнальными системами...

Едва Интерпол успел сообщить полициям западноевропейских стран о краже в Сан-Тропе и передать описание похищенных картин, как произошло еще одно событие подобного свойства, но уже за океаном. 29 июля было совершено крупнейшее хищение художественных произведений в Соединенных Штатах Америки. Из дома промышленника и известного коллекционера произведений искусства Дэвида Дж. Томпсона было выкрадено десять полотен.

...Когда Томпсон с женой возвратились домой, их взору предстали голые стены. Воры вырезали или вырвали из рам шесть картин работы Пикассо, одну — Миро, одну — Дюфи и две — Леже. Ультрасовременная вилла Томпсона имела надежную сигнализацию, которую хозяин, однако, по злой иронии судьбы в тот вечер забыл включить.

Томпсон не стал дожидаться требований о выкупе. Он немедленно объявил о вознаграждении в 400

тысяч марок за возврат картин и обещал не поднимать «никаких вопросов», если экспонаты будут добровольно возвращены. Но полиция обнаружила их прежде, чем был внесен выкуп.

Вскоре «бандиты от искусства» вновь заявили о себе — на Ривьере, где в местах, связанных с творчеством художников, создавались (в большинстве случаев на частные пожертвования) музеи, такие, как музей Леже в Био, фонд Мазта в Сан-Поль-де-Вансе или музей в Сан-Тропе с картинами из коллекции семьи Граммон.

13 августа 1961 года в Экс-ан-Провансе, родном городе Поля Сезанна, были похищены восемь шедевров мастера. Среди представленных на выставке 48 творений Сезанна находились полотна из коллекций Сан-Луи, Берлина, Цюриха, Кардиффа, включая всемирно известных «Игроков в карты» из Лувра.

Директора музеев и частные коллекционеры нередко считали, что благодаря всеобщей известности картин неприкосновенность их гарантирована: ведь их нигде открыто продать нельзя. Они упускали из виду ситуацию, когда картины могут быть приобретены супербогачами, которые для своих тайных собраний никогда не гнушались покупать украденные произведения. Многие значительные творения исчезли в такого рода «анонимных» коллекциях.

Возвращение картин Сезанна было ошеломляющим. В апреле 1962 года в парижской полиции раздался телефонный звонок: «В центре Марселя стоит брошенный автомобиль. Быть может, вы его повнимательнее обследуете...» Сотрудники уголов-

¹ В. Лешбург в большинстве случаев использует финансовый подсчет в марках ФРГ.

ной полиции обнаружили оставленный автомобиль, на заднем сиденье которого лежало несколько пакетов, завернутых в газетную бумагу: восемь работ Сезанна!

Что же случилось, кто звонил в полицию? Страховая компания заявила о своей «полной неосведомленности». Искушенные же люди были убеждены, что состоялась сделка между ворами и страховой фирмой... прежде чем картины появились вновь.

Кража в Экс-ан-Провансе привлекла, к стати говоря, к сенсационному художественному открытию. Среди пропавших полотен Сезанна находилась картина «Сестра художника». При расчистке пострадавшего при краже портрета реставратор обнаружил на оборотной стороне другую, до сих пор неизвестную работу художника — незаконченный портрет крестьянки...

С возвращением в ноябре 1962 года картин, украденных в Сан-Тропе, широко задуманная полицейская акция могла считаться законченной. Картины были переданы владельцам. Однако в том, что касалось «авторов» и мотивов краж, остались сплошные темные места. Интерпол, к примеру, в течение нескольких лет охотился за таинственным главарем банды, которого два задержанных вора назвали своим боссом. Они именовали его Эдвард ден Пинзель или Эдвард Генри Эшвин и характеризовали как крупного знатока искусства. Человек этот, американец, обнаружен так и не был...

Можно считать весьма вероятным, что бандиты вымогали у владельцев или у страховых компаний высокий выкуп (с непременным условием молчания) и в качестве «ответной услуги» создавали предпосылки, чтобы экспонаты были найдены полицией.

И в случае с портретом работы Гойи вымогатели вскоре дали о себе знать, требуя выкуп...

Через десять дней после кражи агентство Рейтер получило письмо без подписи. Неизвестный автор сообщал, что полотно находится у него. «Портрет теперь или позднее будет продан; его возвращение возможно только после уплаты выкупа в 140 тысяч фунтов, которые должны быть переданы благотворительным организациям». Он заверял: «Никто в группе, которая замешана в этой истории, не имеет склонностей к уголовным действиям». В качестве доказательства подлинности своих предложений аноним дал точное описание тыльной стороны картины, включая текст на наклеенном листке, принадлежавшем художественной фирме, у которой в 1958 году временно хранился портрет. Он сообщал, что полотно, «не считая нескольких царапин сбоку», не было повреждено.

Розыски, предпринятые полицией, не дали никаких результатов.

В конце концов было объявлено о вознаграждении за любое сообщение, которое привело бы к поимке воров и возврату Веллингтона.

Почти через год прибыли три, естественно, анонимных, письма. Первое, проштемпелеванное 4 июля 1962 года в Ланкастере, было адресовано информационному агентству «Биржевой телеграф». Среди прочего в нем значилось: «Герцог устроен хорошо. О его температуре заботятся. Мы требуем безнаказанности и права беспрепятственно покинуть Англию. Фонд в полмиллиона фунтов должен быть собран». Затем последовало другое письмо — оно было передано в редакцию газеты «Ланкашир ивнинг пост»: «Мы ожидаем гарантии безнаказанности в течение двух недель — иначе одному богу известно, что произойдет с Гойей. Я не безумец, но портретом владеет мой эксцентричный шурин...»

Письма были немедленно доставлены в Лондон, в Скотланд-Ярд, где произвели общепринятые исследования: проверку отпечатков пальцев, почерка и бумаги, химические анализы. Однако они не открыли никаких новых путей к разоблачению преступников. И вдруг...

В ночь на 11 июля 1962 года взломщики забрались в художественную галерею Джекияса О'Хана и украли 35 картин общей обозначенной стоимостью в 4,5 миллиона марок. Среди них были 10 работ Ренуара, полотна Моне, Тулуз-Лотрека, Боннара и Пикассо.

Уже в тот же день лондонское страховое общество назначило за информацию, гарантирующую возвращение картин, вознаграждение в 230 тысяч марок. Если бы вору удалось в качестве выкупа заполучить эту сумму, следовало опасаться, что этот пример найдет много подражателей, и в Англии мог бы возникнуть новый «фронт деятельности» для преступников.

Скотланд-Ярд немедленно информировал все фирмы страны, торгующие произведениями искусства, полицейскую и таможенную службы аэропортов и гаваней. Был подключен и Интерпол. Полицейские центры 76 стран получили фотографии украденных произведений.

Антиквар О'Хана, уроженец Испании, — известная личность в мире искусства, один из лучших знатоков французского импрессионизма. В 1956 году он организовал кампанию против подделок работ французских мастеров, а ими наводнены рынки Европы и Америки. Широкую популярность его имя приобрело в связи с

предпринятым им актом протеста против продажи в Лондоне с торгов двух акварелей Гитлера. О'Хана вызвался купить оба «произведения искусства» за 500 тысяч марок, а потом съездить их. Однако другой «заинтересованный покупатель» предложил более высокую цену...

В ноябре 1963 года снова пришло анонимное письмо, на сей раз направленное дирекции Национальной галереи. Оно уведомяло, что «неминуемое должно свершиться, если в течение одной недели не будет достигнут компромисс». Следовало ли считаться с тем, что картина в конце концов будет уничтожена, если за возврат ее не будет обещано вознаграждение?

Через неделю председатель совета по опеке Национальной галереи лорд Роббинс опять получил анонимное письмо, которое и на этот раз было составлено из букв, вырезанных из газет. Автор провозглашал в нем свое «последнее слово»: «Минувала неделя, но нам не сделали какого-либо предложения. Теперь более нет никаких шансов на возврат Гойи».

Национальная галерея оказалась перед необходимостью принятия трудного решения. Лорд Роббинс обратился к преступникам по телевидению и радио с воззванием о добровольном возвращении портрета. Но результатов не последовало. 20 ноября 1963 года Роббинс заявил, что совершенно немыслимо, чтобы галерея как государственное учреждение вела с ворами финансовые переговоры. Государство не может финансировать кражу и разбой. Он еще раз настоятельно призвал грабителей добровольно вернуть нацию картину.

В последний день 1963 года преступники в письме телеграфному агентству предложили новую фантастическую сделку. Передача портрета должна произойти публично; податель, правда, хотел появиться в маске. Для этого полиция заедет за ним на условленную улицу, сопроводит к месту передачи и затем снова доставит на определенное место. Поскольку желаемое соглашение с галереей не осуществилось, теперь был предложен новый вариант выплаты вознаграждения. Газеты, которые захотят зафиксировать эту передачу (а при популярности объекта, пожалуй, ни одна крупная газета этого не упустит), должны соответствовать тиражу внести своего рода выкуп, а именно 5 шиллингов от 1000 экземпляров...

Афера с Веллингтоном обрела облик скверного детективного романа. Угрозы, бессмысленные идеи и пошлые эффекты сопровождали странную историю с кражей...

Коренастый молодой человек в один из дней сдал в камеру хранения багажа лондонского вокзала «Виктория» маленькую картонную коробку. Потом он вызвал по телефону железнодорожную полицию и сообщил пришедшим в замешательство чиновникам, что сданная коробка содержит «пепел пропавшего Гойи». Когда полицейские вскрыли пакетик, оттуда посыпались какие-то обуглившиеся остатки. Беспокойство сменилось облегчением: точные химические анализы показали, что бело-серый пепел имел отношение не к картине, а к сожженной старой бумаге.

Картина была написана на доске размером 64×52 сантиметра и, следовательно, не могла быть свернута в рулон. Место ее хранения требовало также определенных температурных условий. Для уголовной полиции оставалось загадкой, что, хотя со времени пропажи картины прошло уже четыре года, ни один из жуликов в нетерпении или споре с другими соучастниками не проболтался, как это часто случалось в истории криминалистики.

В марте 1965 года агентство «Биржевой телеграф» получило письмо из Дурхема. Автор предлагал экспонировать портрет в течение месяца в Лондонской национальной галерее за входную плату в пять шиллингов с человека и после этого не производить никаких полицейских расследований, чтобы выявить, кто «совершил это страшное деяние». Деньги должны были пойти на благотворительные цели.

Академия предложение отклонила. Лорд Роббинс заявил: «Мне хотелось бы, чтобы написавший письмо понял, что мы в сложившейся ситуации ни на какую сделку не можем пойти. Кроме того, противозаконно обещать, что против грабителя не будут приняты меры. Однако я полагаю, что человек, обладающий столь большой находчивостью, должен сообразить, что после возврата картины поиски виновника преступления не будут слишком интенсивными...»

Новое письмо незнакомца было весьма примечательно. Среди прочего он писал: «Ныне я сознаю, что поступил неправильно. Но у меня нет возможности отступить от начатого. Я не могу поверить, что властям следует опасаться, что другие последуют моему примеру: риск слишком велик, а вознаграждение равно нулю». Казалось, он раскаивается.

21 мая 1965 года «Дейли миррор» получила письмо с уведомлением, что портрет находится в камере хранения в Бирмингеме. К письму была приложена багажная квитанция.

...Картина была завернута в коричневую упаковочную бумагу. Пакет был сдан 5 мая мужчиной 20—25 лет, речь которого, по свидетельству приемщика, указывала на его «высокую образованность». Молодой человек при сдаче свертка назвался «мистером Блоксхэмом». В пьесе Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» некая леди Блоксхэм арендовала дом у мужчины, который, будучи младенцем, был обнаружен в камере хранения на вокзале Виктория в Лондоне...

Вокруг истории с исчезновением «Герцога Веллингтонского» возникло много толков и домыслов. Существовала ли взаимосвязь между кражами в Сан-Тропе, Питтсбурге, Экс-ан-Провансе и Лондоне? Полиция допускала, что они совершены одной бандой взломщиков. Налеты всегда происходили ночью, ворами были хорошо известны объекты и защитные устройства. В Питтсбурге и Лондоне они улучшили подходящий момент, когда электрическая сигнализация была отключена. В Экс-ан-Провансе для совершения кражи избрано время, когда вооруженные вахтеры сменялись.

Общей для краж была также важная характерная деталь: вору всегда забирали только наиболее ценные экземпляры. В Сан-Тропе 34 наименее ценных полотна и 5 скульптур были оставлены на своих местах. В Экс-ан-Провансе из 48 произведений Сезанна были выбраны лишь восемь. В Лондоне был похищен только «Герцог Веллингтонский».

Могло возникнуть подозрение, что хищения организованы и возглавлялись знатоком искусства, а поскольку картины были всемирно известны и официально непроданы, их украли по поручению платежеспособного коллекционера, в «сейфовой галерее» которого они бы исчезли. Так, представитель известной лондонской аукционной фирмы Кристи высказал предположение, что «картины скорее могли попасть в руки каких-нибудь эксцентричных частных коллекционеров, чьи собрания хранятся втайне и никогда не демонстрируются».

При грабежах в Сан-Тропе, Питтсбурге, Экс-ан-Провансе и у О'Хана в Лондоне вору шантажировали владельцев или страховые фирмы. Австрийское страховое общество, в котором были застрахованы полотна Сезанна, заявило: «Мы хотим получить картины обратно, и мы готовы платить — без того, чтобы задавать вопросы».

Так утверждали себя новые формы кражи произведений живописи, своего рода «кидаппинг от искусства»...

В случае с портретом герцога Веллингтонского, судя по странным текстам вымогательских посланий, речь, как считали, шла о дилетантах, которые рискнули подступить к бесперспективному объекту и не поняли, как его обратить в деньги. Шантажисты от искусства обыкновенно «выбивают» деньги не из государственных музеев, а от богатых частных коллекционеров или страховых обществ, которые, как американский промышленник Томпсон, предпринимают собственные шаги и самостоятельно ищут возможность сделки.

...Развязка происшествия в августе 1965 года преподнесла вариант, какого после существовавших до сих пор прецедентов и аналогичных краж произведений искусства едва ли можно было ожидать: чудакватый пожилой человек выкрал картину из оскорбленного чувства справедливости!

Шестидесятилетний безработный шофер грузовых перевозок Кемптон Бантон, житель Ньюкасла, счел несправедливым, что бедные люди должны платить деньги за... телевизионные передачи Би-би-си. Он сам не платил налога, за что должен был трижды отсидеть в тюрьме в совокупности десять недель. Бантон отомстил: он украл «Герцога Веллингтонского».

В то время, как грандиозный розыск взволновал всю страну, Гойя покоился в бельево шкафу Вантона. И ничего удивительного, что Скотланд-Ярд вначале даже не захотел поверить старику, когда он добровольно явился с признанием.

На предварительном следствии адвокат огласил следующее заявление Бантона:

«Я никогда ничего для себя не желал. Моей единственной целью было основать фонд для бедных и старых людей, которыми в нашем обществе явно пренебрегают...»

Поднялся занавес над обстоятельствами и мотивами кражи полотна Гойи. Многие другие случаи, как, например, преступление на Ривьере, остались нераскрытыми. Разбойничьи набеги международных воровских банд, организация подпольного рынка для реализации украденных произведений искусства — «темный лес» для полиции и общественности. Почти неизменно остается неразгаданной тайной практика преступного бизнеса на воровстве шедевров искусства, составляющих гордость мировой цивилизации. Сообщений о кражах все больше, раскрытия преступлений — все реже...

Перевели с немецкого
Валентина и Иосиф СВЕРСКИЕ.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

хотел да и просто не мог пока считать человека, сбитого автомашиной на Приморском шоссе, погибшим — приобретал высокую степень достоверности. Все выстраивалось логично: Лев Котлуков вышел из заключения в июне и сразу поселился у Блошкиной. Паспорт на имя Николая Алексеевича с неизвестной фамилией у него, конечно, чужой. «Липовый» или краденый. Пять лет Котлуков по приговору суда не мог проживать ни в Ленинграде, ни в его пригородах. Во всяком случае, под своей фамилией. А если опытный взломщик идет куда-то ночью с набором инструментов в чемодане, не может быть двух мнений о цели его прогулки. Только вот последующие события никакой логике не поддавались.

— Дружки его ухлопали, товарищ полковник! — Бугаев приехал из Зеленогорска возбужденный и не мог минуты спокойно сидеть на месте. То и дело вскакивал и начинал нервно расхаживать по кабинету.

Корнилову наконец надоели его метания.

— Семен, хватит бегать! Мелькаешь, голова кружится.

Бугаев сел.

— Давай-ка порассуждаем, Семен Иванович, по этому поводу...

— Могла произойти ссора...

— Могла, могла. — Корнилов поднял ладонь. — Но сейчас посиди молча и послушай начальство.

Бугаев улыбнулся:

— Значит, рассуждать будете вы?

Корнилов не обратил на его улыбку внимания.

— Отпечатки пальцев Котлукова обнаружены и на бутылках и в комнате. Но откуда у тебя такая уверенность, что у Блошкиной жил именно он?

Заметив, что Бугаев хочет возразить, полковник остановил его:

— Возражения потом. Лева Бур мог быть просто частым гостем в этом доме. Гостем неизвестного нам постояльца. Надо срочно размножить фото Котлукова и провести опознание. По всем правилам. И Блошкиной предъявить, и ее старику дачнику, и кочегару... — Корнилов задумался. — И, конечно, Колокольникову. Вот уж если они опознают — тогда уверенность будет стопроцентная. — Он улыбнулся погрузившемуся Бугаеву и сказал: — А вообще-то, Семен, у меня такое предчувствие, что ты прав. Лева Бур это. Но предчувствия нас немало уже подводили.

Полковник откинулся на спинку кресла, вытянул ноги и с удовольствием закурил.

— О чем-то, Сеня, я еще позабыл тебе сказать. Какую-то мелочь, детальку упустил, но уж очень важную... Вот память: подсказывает — забыл, а что именно, не выдает. Рыбы, наверное, мало стал есть, фосфора не хватает.

— А чего же вы? Рыба в магазинах есть. Марокканские сардины, такие красивые баночки.

— Для фосфора, Семен, свежая рыбка нужна. Об осетрине не говорю, а вот хотя бы тресочки. Ну да ладно о рыбе, — резко оборвал он себя. — Пофантазируем про наши дела.

— Лева Бур идет ночью с инструментом на операцию. Против этого ты не возражаешь?

— Нет!

— Каждому младшему инспектору в нашем управлении известно, что такие «специалисты», как Котлуков, в одиночку дела не делают. Значит, он должен был с кем-то встретиться. Но шел Котлуков не к электричке, а на шоссе. Можно предположить, что его дружки должны были приехать на машине...

— Игорь Васильевич! — не вытерпел Бугаев. — Да я об этом же и говорю!

— Ты бы какое-нибудь успокаивающее средство принимал, что ли? Валерьяновый корень пи! — чуть поморщившись, тихо сказал Корнилов. — А если была заранее спланирована и разработана операция — зачем же дружкам ухлопывать Котлукова? Человека, на чьи руки они рассчитывали?

Бугаев промолчал.

— Если Лева Бур проштрафился или вышел из доверия, его могли убить после ограбления. Да и в любое время могли убить! Но ты когда-нибудь слышал, что уголовники расправились со своими дружками таким способом? Они бы нашли что-нибудь попроще.

— Теперь мне можно, товарищ полковник? — смиренно попросил Бугаев.

— Валей! — благодушно отозвался Корнилов.

— Все, что вы сказали, правильно. Насчет способов. Если это были уголовники. Они народ примитивный. А если Бур связался не с уголовниками? Блошкина мне говорила, что к нему разные люди захаживали. Но чаще всего интеллигентные.

— Может быть, твоя Блошкина каждого прилично одетого уже интеллигентным считает?

— Она, между прочим, профессорская вдова, — сказал Бугаев и напустился, вспоминая, как держал эту пахнущую котлетами вдову, упавшую в обморок посреди веранды. — Ну, может, тут я лишку хватил, — поправился он. — Блошкина просто насчет людей другого круга обмолвилась. Дело не в этом — Котлуков мог связаться с фрайерами...

— Когда ты отучишься от жаргона! — неодобрительно покачал головой Корнилов.

— Мог же, Игорь Васильевич?

— Мог.

— Ну вот. А для них легче на машине сбить, чем лицом к лицу с таким, как Бур, схватиться.

— Да зачем они за час до операции стали с ним расправляться? Что бы он ни натворил! — устало спросил Корнилов. — Другого времени не нашли?

— Не нашли! Повздорили неожиданно. Испугались чего-то! — Бугаев воодушевился. — И заметьте еще одну деталь: все вещи Котлукова у старушки Блошкиной вынесли. Все! И домовую книгу украли. Хотите узнать, зачем?

— Вот поэтому я и не хочу считать Котлукова погибшим.

— Нет, Игорь Васильевич, это не сам Лева Бур за своими вещичками с того света пожаловал. Его дружки решили следы замести. Не забрали бы вещи — Блошкина тревогу подняла. Может, и не сразу, но подняла. Был человек — и нету. Пришла бы в милицию, как миленькая пришла! Не рискнула бы вещи себе взять. У меня, честно говоря, сначала мелькнуло сомнение, но потом почувствовал: старушка не дура. И начались бы в милиции вопросы да расспросы. Кто, почему, куда делся...

— Чудак ты, Семен! — перебил майора Корнилов.

— Почему же? — подозрительно спросил Бугаев.

— Своими руками собственную версию разрушаешь.

Бугаев смотрел на полковника с недоумением.

— Да если ты считаешь сообщников Котлукова случайными людьми, то как же они решились в дом к старухе залезть? Все вещи вынести, найти домовую книгу и следов не оставить? Не слишком ли сложно?

— Сложно. Все в жизни сложно, — сказал Бугаев, и Корнилов улыбнулся. Когда майор не мог чего-то объяснить, он всегда подпускал тумана. Сослуживцы хорошо знали про этот его грех и частенько подсмеивались. Заметив улыбку Корнилова, Семен смутился и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Потом спросил:

— А как вы объясняете пропажу трупа?

— Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему, — вздохнул Корнилов. И сказал с нажимом: — Трупа ли?

— Колокольников так убедительно все описал...

— Два дня назад ты ни одному его слову не верил. Уши у Бугаева порозовели.

— Зачем вы так? Я верил, но сомневался.

— Во-первых, сбитый машиной человек, Бур ли это, или кто другой, может быть, жив. Мало ли? Шок, потерял сознание, под дождиком пришел в себя. Если это Бур, то он предпочтет где-то отлежаться, чем обращаться к врачам. Во-вторых, его могла сбить случайная машина. Мы ведь уже говорили об этом.

— Такой подонок мог сбить и просто уехать. А если Котлуков шел на встречу с дружками, они могли подобрать его и увезти.

— Молодец. Наконец-то начинаешь смотреть поши-

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

Третий тур

Дорогие читатели! Прежде чем предложить вам вопросы третьего тура конкурса эрудитов «Литература и искусство», которые, как всегда, мы отобрали из ваших писем, напомним его условия. Участником третьего тура может стать каждый из вас, независимо от того, выполняли вы или нет домашние задания первых двух туров. Отвечать на вопросы надо точно и четко. Чем полнее ответ, тем лучше.

У жюри конкурса к вам обычная просьба: старайтесь отвечать на вопросы в том же порядке, как они заданы. Пишите по возможности аккуратно и разборчиво, на одной стороне листа. Самые существенные места подчеркните цветным карандашом. Будет очень хорошо, если вы укажете источники, в которых нашли ответы.

Тридцать участников третьего тура, чьи работы жюри найдет самыми интересными, будут награждены призами: книгами, альбомами, почетными дипломами. Кроме того, трое участников конкурса будут награждены почетными дипломами — за наиболее удачные ответы на отдельные вопросы. Поэтому, дорогие читатели, присылайте письма с любым числом ответов. Даже если вам удалось успешно справиться только с одним вопросом, все равно направляйте свое письмо в редакцию «Смены» — ведь в этом случае вы можете оказаться в числе призеров.

Приятного вам досуга, дорогие читатели!

А теперь задание третьего тура конкурса эрудитов «Литература и искусство»:

1. В 20-е годы в нашей стране был нарисован уникальный портрет В.И. Ленина на скале. Где и когда именно? Кто его автор?

**Н. ИГНАТЕНКО,
Донецк**

2. Съёмочной группе одного из первых советских фильмов в знак благодарности было вручено знамя. Во второй части текста на знамени были слова: «От многих тысяч рабочих фабрики «Коммунавангард» пролетарское спасибо. Да здравствует советское кино, великий спутник социализма!» Что было в первой части текста? О каком фильме идет речь? Назовите режиссера и оператора.

**Ю. ШАДРИН,
Иваново**

3. Советской поэт и композитор впервые встретились в 1939 году. В результате их сотрудничества родилась песня, которая в течение года завоевала популярность во всем мире. Итальянские партизаны, сражавшиеся с фашистами, сделали ее своим гимном. Назовите поэта, композитора и песню.

**Г. СИДОРОВ,
Барнаул**

4. А. М. Горький писал: «Это непобедимый герой...»

он побеждает всех и всё... сам же остается бессмертен». Какой характер, какой цельный и художественный характер, как он доверчив, как он весел и прямодушен: как он не хочет верить злу и обману, как быстро гневается и бросается на несправедливость? — писал Ф. М. Достоевский. О каком герое русского народного театра идет речь? От какого аналогичного итальянского героя он ведет свою родословную? Как возник этот последний?

**В. ДРОЗДОВ,
г. Горький**

5. Эта античная статуя — один из самых редких памятников искусства в Эрмитаже. Она первой привезена в Россию. Когда и кем? Назовите статую и ее прообраз. Почему она называется именно так? Ее видел А. С. Пушкин. Где?

**Я. ЯНУШ,
Ленинград**

6. Все знают поэму А. Твардовского «Василий Теркин». А есть ли в литературе еще произведение с таким названием?

И если есть, то кто его автор?

**А. ПЛАТОВ,
г. Собинка
Владимирской области**

7. Назовите одно из самых интересных в нашей стране хранилищ древних рукописей. У его подножия стоит памятник создателю национального алфавита, а справа и слева от входа помещены шесть фигур выдающихся деятелей средневековья. Кто они? Творчеством скольких поэтов представлена в хранилище средневековая национальная поэзия?

**М. ЛОТЯНУ,
г. Калараш
Молдавской ССР**

8. Справедливо считают, что первым «в мир абстрактных геометрических форм серебряных сосудов натуральные формы» ввел великий А. Дюрер. Но на Руси такие формы известны с глубокой старины. Назовите одну из самых древних форм русского ковша, которая не встречается больше нигде — ни в Европе, ни в Азии. Где хранится самый старый из металлических ковшей этой формы? Его вывезли из Новгорода. Кому он принадлежал? Как называется отогнутый конец ковша?

**И. ШАРАФОВ,
г. Гулистан**

9. Какую роль в судьбе Т. Г. Шевченко сыграл портрет В. А. Жуковского? Кто написал этот портрет?

**В. СИНЦКАЯ,
Евпатория
Крымской области**

10. В 1907 году стараниями известного театрального деятеля С. Дягилева в Париже открылся первый русский оперный сезон. Оперы «Борис Годунов», «Руслан и Людмила», «Князь Игорь» прославили русское искусство. А когда в столице Франции открылся первый русский балетный сезон? Что стало его символом и эмблемой? Кто нарисовал эмблему? Какой балет был показан в первый вечер? Кто танцевал партию героини?

**Г. АРДАЕВ,
г. Аягуз
Семипалатинской области**

11. Первого октября 1872 года на премьере драмы А. Доде «Арлезианка», музыку к которой написал Ж. Бизе, впервые прозвучал новый инструмент, о котором Д. Россини сказал: «Никогда не слышал ничего прекраснее!» Правда, лестная оценка не помогла, и новый инструмент с трудом приживался в оркестрах. Назовите этот инструмент.

**Б. ЖЕЛТОВ,
Рязань**

12. Известно изречение древнегреческого поэта Симонида Кеосского: «Живопись — немая музыка, а поэзия — говорящая живопись». А кто и когда впервые сказал: «Архитектура — застывшая музыка»?

**И. КАЛМЫКОВА,
Волгоград**

13. В ноябре 1966 года был открыт для посетителей музей древнейшего в мире искусства. Он расположен в одном из самых современных по архитектуре и одном из самых старых городов мира. Назовите музей и город, где он находится.

**В. ИВАНОВА,
г. Уссурийск
Приморского края**

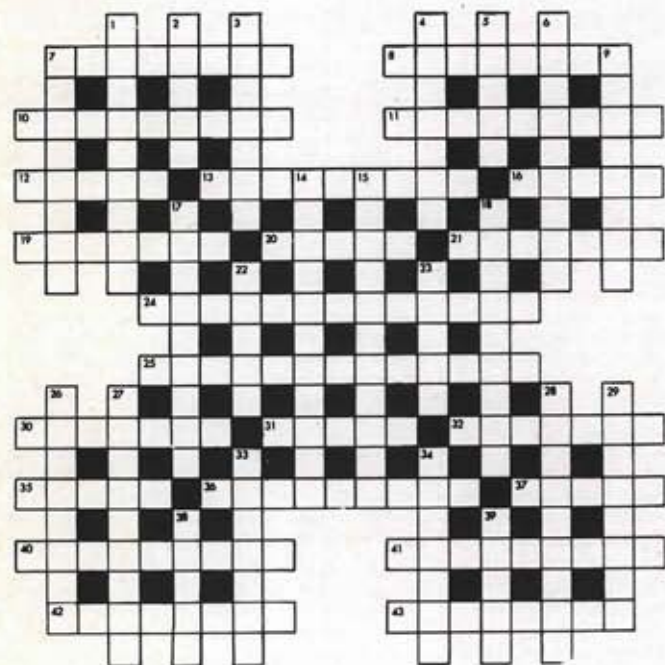
14. С давних пор дирижер стоял лицом к зрителям, что мешало музыкантам следить за ним. Кто первым из дирижеров повернулся к оркестру лицом?

**Н. СЕЛИВАНОВ,
пос. Орловка
Киргизской ССР**

15. Как известно, Ганс Фаллада — псевдоним немецкого писателя. Назовите его настоящую фамилию. Откуда он взял себе псевдоним?

**Ю. ПРОЗОРОВ,
Ташкент**

**Ждем ваших писем
с ответами на вопросы третьего тура.
Последний срок их отсылки —
30 сентября.**

КРОССВОРД

Составил К. ОЗЕРОВ
Москва

По горизонтали:

7. Картина В. М. Васнецова. 8. Подъемный брус, преграждающий доступ на железнодорожный переезд. 10. Основа для полотна под живопись. 11. Изменяемая математическая величина. 12. Южноамериканский плащ. 13. Военное звание. 16. Архитектурное перекрытие, полукупол. 19. Наименьшая величина, низший предел. 20. Швейцарский писатель, автор романа «Игра в бисер». 21. Трагедия Еврипида. 24. Отрасль материального производства. 25. Население краевого центра РСФСР. 30. Верхняя створка окна. 31. Вид ювелирной техники. 32. Прибор для визуального отображения информации в ЭВМ. 35. Естественный водоём. 36. Деталь кривошипного механизма, ползун. 37. Город в Танзании. 40. Садовый цветок. 41. Место в лесу, свободное от деревьев. 42. Житель островного государства в Тихом океане. 43. Остров у берегов Эстонии.

По вертикали:

1. Овощное и лекарственное растение, медонос. 2. Трафарет, шаблон. 3. Древнегреческий поэт-лирик. 4. Натриевый препарат для крашения и белиения тканей. 5. Одна из героинь романа Ф. М. Достоевского «Идиот». 6. Певчая птица. 7. Наука о живой природе. 9. Прибор для изучения законов колебания струн. 14. Русский писатель XIX века. 15. Травянистое декоративное растение. 17. Хищная птица. 18. Русский живописец, автор картины «Княжна Тараканова». 22. Марка японского автомобиля. 23. Начало реки, ручья. 26. Драгоценный камень. 27. Ягодный кустарник. 28. Свадебная песня в античной поэзии. 29. Кавказский народный танец. 33. Рыболовное судно. 34. Роман Р. Джованьоли. 38. Герой рассказа М. Горького «Макар Чудра». 39. Веретенообразная рыба.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

5. Скакалка. 6. Салихова. 8. Тайм. 9. Колесница. 11. Клим. 12. Татами. 15. Фигура. 16. Терян. 17. Пассаж. 19. Москва. 20. Сальников. 22. Капитонов. 25. Тарпон. 26. Томсон. 27. Гольф. 28. Теннис. 29. Козлов. 33. Финт. 34. Алексеева. 35. Таль. 36. Олимпиец. 37. Пистолет.

По вертикали:

1. Шахматист. 2. Школа. 3. Савин. 4. Подкрутка. 5. Старт. 7. Анина. 9. Компас. 10. Авилов. 13. Мельников. 14. Пятиборье. 18. Жакан. 19. Молот. 21. Гранаткин. 22. Козина. 23. Ворота. 24. Усилитель. 28. Трико. 30. Вольт. 31. Медоо. 32. «Зенит».

СЮЖЕТЫ МОЕГО КРАЯ

РЕГИНА.

ДАЧА НА АПШЕРОНЕ.

ЛЕГЕНДА ВОСТОКА.

Молодой азербайджанский живописец Ашраф Гейбатов еще студентом изъездил, исходил пешком весь Азербайджан — от больших городов, с напряженным их ритмом, до тихих горных селений, парящих между небом и землей. Он изучал людей деревенского труда, рисовал, писал этюды древних памятников, открывал удивительные красоты национального орнамента.

Культура народа, самобытный азербайджанский фольклор пленили художника прелестью мудрости, а пленив, помогли постичь глубины классической поэзии Востока. Впечатление оказалось настолько сильным, что за короткое время он создает серию картин «Легенды Востока».

Что же привлекает в этих работах Ашрафа Гейбатова? Необычная яркость красок? Неожиданный, гиперболический, можно сказать, взгляд на природу? Да, все это, конечно, присутствует. Но это внешняя сторона его картин. Главное в том, что он избежал столь опасного в национальных темах срыва, когда дух Востока, образ его подменяются экзотикой, а культура — этнографией. Такие вещи подобны вспышке,

освещающей лишь на мгновение, и потому, даже при всей колористической расточительности, остаются холодными и способны претендовать разве что на познавательное значение. Картины же Ашрафа Гейбатова — и в этом их особенность — светятся постоянным огнем, ибо проникнуты культурой Востока, а не окрашены ею.

Цикл «Легенды Востока» питают, как можно заметить, два источника — народный фольклор и классическая поэзия. Очень интересно, как в том и другом случае чувствует художник единство формы и содержания. Картины, рожденные азербайджанским народным творчеством, написаны «весомо, грубо, зримо», передавая самый дух этого поразительного явления национальной культуры — его юмор, гротеск, иронию, безграничную фантазию и удивительное жизнелюбие. Видимо, особенности эти так настойчиво заявляют о себе оттого, что созвучны собственному мироощущению художника. Если не бояться тривиальных определений, фольклорные вещи Гейбатова можно назвать фантастическим реализмом. Соседство двух этих понятий правомерно, как нам

кажется, потому, что фантазии художника постоянно и тесно переплетаются с действительностью настолько конкретной, что в них ощущаешь реальные приметы сегодняшнего дня его родины.

Холсты же, навеянные поэтической классикой Востока, отличает тонкое, изысканное письмо. Четкость, чеканность образа, свойственная поэзии Физули, Хайяма, Низами, естественно переливается в пластическое мышление художника. Именно пластическими средствами стремится он передать их спокойную мудрость и неспешную созерцательность, достигая этого в мягких переходах цвета, в округлых и плавных линиях, не имеющих будто бы видимого начала и затухающих только для того, чтобы затеплиться и гореть снова. Власть первоисточника здесь очевидна. Поэты древности учат художника видеть, и потому взгляд его философичен, а цветок и камень в его холстах одинаково полны жизни и глубокого смысла, как в классической поэзии Востока.

Нетрудно заметить и еще одну особенность работ Гейбатова. Художник стремится не столько к отражению действительности, сколько к философско-

му ее осмыслению, подчас добавляя то, чего, по его убеждению, ей недостает. В этом он щедр и оптимистичен. Исходя из действительности, Гейбатов создает на холсте новую жизнь, мир, в котором он живет и в котором прозаическая реальность соседствует с высокой мечтой. И, надо сказать, делает это убедительно, оттого и не удивляемся мы, увидев на его холсте гранат величиной с арбуз, перец неправдоподобно красного цвета, ослика голубым, как небо в горах его родины... Картины Гейбатова естественны и гармоничны в соответствии формы и содержания; его сочная, пряная живопись подобна плодам юга.

В станковой живописи успел художник сделать много. И тем более примечательно, что станковая живопись не ограничила интереса художника: он автор стеновых росписей — больницы и детского сада в Баку, на очереди и другие монументальные работы.

Как сложится дальнейший путь Ашрафа Гейбатова, в каких жаргах и формах скажет художник новое слово, покажет, конечно, время, но энергия начала говорит сама за себя.

Алексей ВЛАДИМИРОВ